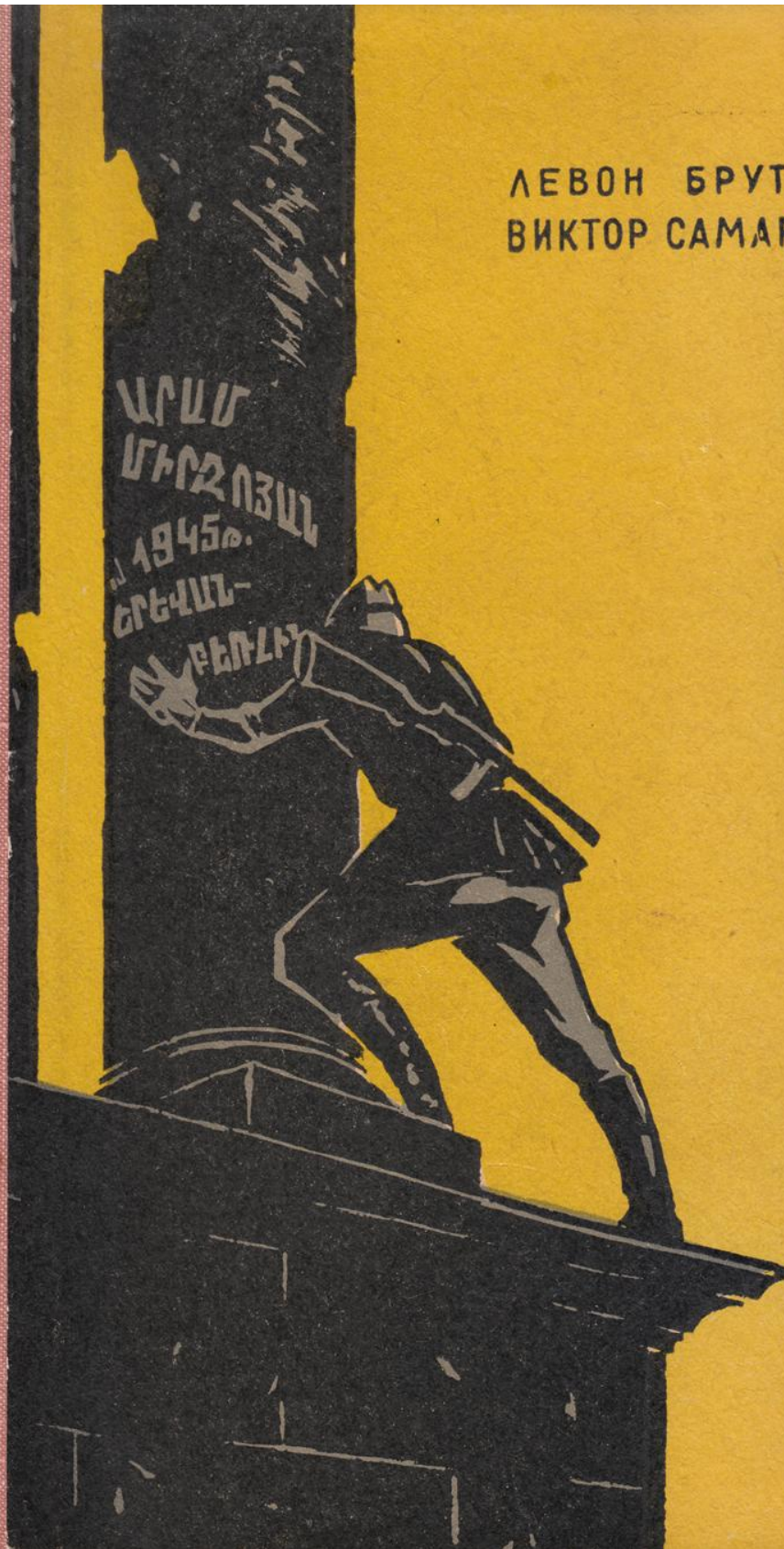

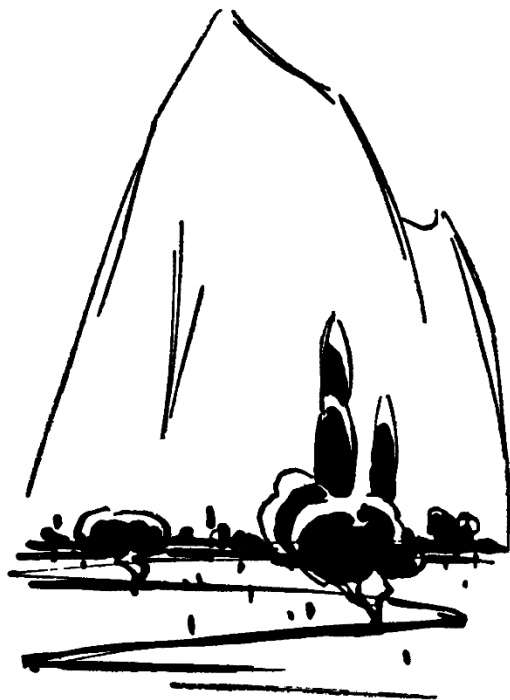
ЛЕВОН БРУТЯН
ВИКТОР САМАРИН

НАДЛИСЬ НА РЕЙХСТАГЕ

ЛЕВОН БРУТЯН, ВИКТОР САМАРИН

НАДПИСЬ НА РЕЙХСТАГЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЙАСТАН» ЕРЕВАН 1 9 6 8

«Я хотел бы, чтобы все знали, что не было безымянных героев, что были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды».

Эти слова принадлежат Юлиусу Фучику.

Старые фотографии, фронтовые газеты, документы героических лет Отечественной войны и беседы с очевидцами побудили нас написать повесть о майоре Араме Мирзояне и его товарищах.

О подвигах Арама Мирзояна в Армении сложено много песен и легенд. Но недаром говорится, что даже самая прекрасная легенда — только отголосок были.

*ПОСВЯЩАЕТСЯ
ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОЛУ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже немало лет минуло с того дня, когда над поверженным рейхстагом взвилось красное знамя страны Советов.

Я видел рейхстаг. Его колонны были буквально испещрены тысячами имен...

Русские, украинцы, белорусы, грузины, казахи, эстонцы, армяне — сыны всех советских народов — расписались на этих колоннах, как бы вынеся приговор фашизму.

Овеянный славой путь прошла Советская Армия от Волги до Эльбы, громя гитлеровских захватчиков, освобождая от фашистского рабства народы Европы. И никакое время не даст нам забыть героев этой великой битвы.

Сейчас у нас подрастает новое, юное поколение. Оно только по книгам и фильмам, по рассказам старших знает о том, какие тяготы вынес на своих плечах наш народ, какие жертвы принес и какие подвиги свершил во имя их счастливого будущего.

Вот почему поведать об этом молодому поколению, как можно больше рассказать о беспримерном подвиге нашего народа особенно важно.

Каждый день Великой Отечественной войны рождал героев. Каждый день этой войны был экзаменом мужества и воли, воинской доблести и любви к Родине. Каждый день войны проверял в людях те качества, которые воспитали в них Коммунистическая партия и Ленинский комсомол.

Именно эти высокие моральные качества помогли комсомольцу Араму Мирзояну с честью пройти трудный солдатский путь, выполнить свой долг перед Советской отчизной, поставив и свою подпись на колоннах поверженного рейхстага.

И. Х. БАГРАМЯН

Маршал Советского Союза

«Мессершмидты» остаются на земле

(вместо пролога)

Едва наступило мягкое берлинское утро, а город уже успел умыть свои улицы и скверы.

В эти ранние часы, когда автобусы и трамваи длинным караваном тянутся от ворот депо, людей на улице не так уж много. Но зато праздных прохожих не встретишь. Деловито шагает на заводы и фабрики рабочий народ Берлина.

Только пожилой мужчина в мягкой серой шляпе, казалось, без дела прохаживался перед зданием рейхстага. Вот он, в который уже раз, обогнул левый угол здания и остановился, вглядываясь в серый камень колонны.

Отыскав что-то среди сотен надписей, перекрывающих одна другую, среди имен и дат, полустертых дождями, ветром и временем, человек вслух сказал:

— Да, это он. Теперь я могу сообщить, что все в порядке...

Арам Мирзоян... Его друг в далекой Армении, с которым они виделись только дважды, но обязаны друг другу многим, самой жизнью, писал в последнем письме: «Если будете в Берлине, обязательно посмотрите, сохранились ли мои тарэр* на рейхстаге. Ведь столько лет прошло...»

Тогда генерал — да, да, бывший генерал Люфтваффе Ганс Шерман — твердо решил, что если не найдет на колонне рейхстага имя своего друга, то напишет собственной рукой: «Арам Мирзоян, солдат, победивший Гитлера».

А надпись, оказывается, цела! Теперь можно идти на почту, отправить письмо, потом дожждаться, пока откроются магазины, и выполнить поручения внуков. А потом — и домой, в Дрезден. Но почему-то не хочется уходить...

В памяти возникает другой рейхстаг, ошестинившийся орудиями и пулеметами, готовый принять последний бой за Берлин.

Его, боевого генерала, доставили сюда почти под конвоем пятеро эсесовцев.

— Вам поручается до последней капли крови охранять берлинский аэродром, — такими словами встретил его приземистый толстый человек в форме генерал-майора «СС». — Фюрер приказал в случае успеха атаки Советов взорвать все помещения вместе с летным составом и семьями. Противнику не должен достаться в плен ни один пилот Германии! — Генерал говорил громко и резко: — Нация, недостойная фюрера, должна погибнуть!

Шерман рассеянно слушал этот крик, не вникая в слова. Он не без удивления заметил в углу комнаты аккуратный желтый чемодан, такие же туфли и серый штатский костюм на стуле.

Вероятно, эсесовец перехватил этот взгляд и неожиданно, будто чего-то испугавшись, заорал:

— Всё! Приступайте к выполнению приказа фюрера!

Эсесовский лейтенант распахнул перед Шерманом дверцу «Мерседеса».

— На аэродром...

Машина стремительно помчалась по тревожно молчащему городу.

Уже два часа не было налетов авиации. Видимо, готовился массированный удар перед наступлением. На крышах домов, на площадях и перекрестках замерли в ожидании орудия, застыли танки. Лавируя между ними, проскакивая сквозь узкие проходы завалов и заграждений, «Мерседес» мчался к аэродрому.

Генерал снова ощутил резкую боль в левом боку. В последнее время она возвращалась все чаще.

* Тарэр — буквы (арм.).

— Надо съездить в госпиталь, — подумал Шерман, но тут же усмехнулся этой нелепой мысли: какой там госпиталь, если в нескольких километрах от столицы Рейха большевики!

А боль не унимается. Она точит, как больной зуб. Генерал помнит день, когда в первый раз ощутил ее. Это было в июне сорок второго...

Адъютант принес письмо от старшего сына из Белоруссии. Мальчик лежал с гангреной ноги в полевом госпитале. Вернер, который всегда был таким нежным, который любил собирать цветы и любоваться бабочками в гербарии, его Вернер писал, что несколько дней назад лично расстрелял все население деревни за связь с партизанами. И детей. Да, и детей! Он в подробностях описывал этот случай. Но, самое страшное, писал об этом, как о совсем обычном деле.

Генерал в гневе порвал это письмо, не показав жене. А через несколько дней пришло извещение: «От ран, полученных в бою с партизанами, геройски погиб Ваш сын, лейтенант Вернер Шерман. Последними его словами были: «Да здравствует фюрер!» Командование представило Вернера Шермана к Железному кресту I-ой степени посмертно».

Полевая почта работала исправно...

«Мерседес» выскочил на бетонную гладь Фридрихштрассе и резко затормозил.

— Документы! — двое невысоких солдат с повязками военного патруля подошли к шоферу. Генерал взглянул в их лица.

«Боже мой, старшему, наверное, не больше шестнадцати...»

Увидев в машине генерала, солдаты вытянулись по стойке смирно.

— Извините за задержку, господин генерал. Разрешите идти?

— Нет, нет, — Ганс Шерман улыбнулся, — теперь уж проверьте документы. Вот так... Ну, будьте бдительны, мальчики!

— Хайль Гитлер! — гаркнули юнцы в два горла.

Аэродром встретил генерала той же настороженной тишиной, которая царила в Берлине. Триста «Мессершмидтов» застыли в бездействии. В баках уже который день — ни грамма горючего.

Зачем? Зачем все это? Генерал уже не в первый раз собирался отогнать от себя этот вопрос.

Старый кадровый офицер, привыкший без колебаний выполнять приказы, привыкший, чтобы и его приказы выполнялись беспрекословно, он с некоторых пор усомнился во многом.

Письмо сына и извещение о его смерти потрясли его. Пожалуй, трудно сказать, что больше — письмо или извещение. Тогда война, которую он привык наблюдать с высоты полета тяжелых «Юнкерсов», впервые коснулась его по-настоящему.

Это были уже не крошечные, почти кукольные дома, поезда, похожие на неуклюжих ужей, на которые он сбрасывал бомбы. Это была война — реальная, осязаемая.

С тех пор генерал стал все чаще задумываться о своей жизни.

...Прусский кадетский корпус, присяга Гинденбургу, потом присяга Гитлеру. Присягала вся армия, присягал и Шерман. Затем первые «неучебные» полеты; они начались в Испании. Аэродромы, где базировался полк, медленно и неуклонно перемещались к Востоку.

В мозгу, как азбука Морзе, звучат монотонные слова штурмана: территория Польши, территория Чехословакии, территория Франции...

В первые дни этой проклятой войны с Россией он встретил своего старого учителя, полковника в отставке.

— Что, господин Шерман еще в Берлине? — удивленно воскликнул тот.

— Завтра вылетаю, господин полковник. Двухнедельный отпуск.

— Так... А то я уж подумал, что мой ученик вспомнил заветы великого Бисмарка.

Шерман понял, на что намекает полковник. Среди старого офицерства ходили осторожные разговоры об опасностях похода на Россию, о непрофессиональности плана «Барбаросса».

Нет, Шерман не был ни противником, ни сторонником этих людей. Он старался не лезть в политику. Но зато он слышал о том, как относятся к этим разговорам в гестапо. Да и разве не этот человек говорил на занятиях, что главная опасность для Германии — на Востоке?.. Нет, конечно, Гитлер — великий человек. Рейх поднялся из руин и бедствий благодаря его гению и энергии.

— Я не разделяю эту точку зрения, — сухо сказал он. — Наша армия победоносно прошла по всей Европе. И я рад, что участвую в подвиге немецкого оружия. Честь имею, господин полковник!

...Мерседес промчался по летному полю и остановился у серого двухэтажного здания. Казармы, где находились солдаты охраны и летчики, были в полукилометре отсюда. Там вовсю кипела работа. Аэродром готовился к бою.

Генерал быстро прошел в помещение штаба и открыл дверь кабинета.

— Странно, — мелькнула мысль, — почему нет часового у двери?

В кабинете, за письменным столом, сидел в шинели молодой черноволосый офицер.

— Здравствуйте, господин генерал, — гость произносил слова как иностранец. — Я должен передать вам важное сообщение.

Шерман подошел к столу. Кто-то снаружи захлопнул дверь кабинета. И тут только генерал заметил, что под шинелью штурмбанфюрера у незнакомца видна гимнастерка советского офицера. Шерман схватился за кобуру,

— Не трудитесь, генерал, — в руках штурмбанфюрера тускло блеснул пистолет. — Сядьте! Разговор у нас будет серьезным...

* * *

...В блиндаже первого батальона собирались отметить Первое Мая. Здесь было просторно и сухо. Даже гул артиллерийской канонады почти не слышался. Прежние хозяева, рассчитывающие, должно быть, провести здесь не одну неделю, строили блиндаж фундаментально, с чисто немецкой аккуратностью и предусмотрительностью. Толстые бревна в четыре наката снаружи засыпаны землей. Ровные ступеньки вели к массивной, видимо, сорванной с подбитого броневика, дверце.

Сейчас о прежних хозяевах напоминали лишь две-три открытки на стене, фото какой-то дородной фрау да сделанная типографским способом надпись по-немецки: «На вас смотрит Германия!»

Когда разведчики зашли в блиндаж, кто-то хотел сорвать эти атрибуты. Но «комбат-один» майор Мирзоян предложил их оставить:

— А что? — подмигнул он. — Пускай смотрит на нас Германия! — Он достал карандаш из планшета и пририсовал фрау маленькие усики.

— Смесь Гитлера и Геринга, — пошутил кто-то из бойцов.

Так уж повелось в первом батальоне: на марше и в бою — строгая дисциплина; на отдыхе — все равны, все друзья. На отдыхе главный тот, кто веселей, остроумней.

И еще одна добрая традиция была в батальоне: получил ли солдат письмо хорошее из дома, отличился ли в бою — для всех праздник.

— Ну и дружная у вас семейка, — смеялся командир полка. И на самые трудные, порой безнадежно трудные участки бросал первый батальон. А после каждого боя вновь пожимал руку комбату:

— Молодец, майор...

Когда взяли эту последнюю перед Берлином деревушку, командир полка вызвал военврача и попросил:

— Знаешь, к наградам сейчас их представлять некогда. Потом разберемся. — А вот если спирт у тебя есть, подбрось ребятам Мирзояна. Пусть Первое Мая встретят как полагается.

Военврач рассердился, но спирт все-таки дал.

В блиндаже на перевернутом снарядном ящике уже были выложены припасы, расставлены кружки, однако пир не состоялся.

— «Комбат-один» — в штаб полка!

Мирзоян вернулся через двадцать минут. Приказ, который получил батальон, был краток: незаметно пройти в тыл противнику и перекрыть дорогу к берлинскому аэродрому.

— Легко оказать — «незаметно пройти!» Немцы простреливают каждый вершок.

— Ну, а на Волге, Юра, забыл, как ходили? — мягко возразил Мирзоян и тут же, уже тоном приказа, сказал:

— Ваши предложения по выполнению боевой задачи, товарищ старший лейтенант?

Командиры рот склонились над картой.

— Открытая местность, товарищ майор. Придется двинуться только с наступлением ночи. Политрук бросил карандаш и, сдвинув так и нераскрытые консервные банки, присел на ящик.

— С наступлением ночи... — медленно повторил Мирзоян и вдруг улыбнулся. — А что, если так. Все колеса орудий обмотаем шинелями, будем двигаться неслышно. Шинели жалко? Не беда — скоро все равно на гражданку... И еще. Интенданту достать несколько комплектов немецкой формы: одну-две офицерских и десяток солдатских. Авангард у нас будет из «немцев». А сейчас — по ротам: проверить оружие, подготовиться к выступлению.

Вечером, когда сгустились сумерки, батальон покинул свои позиции. Люди шли молча. Разговаривать и курить запрещалось. Мягко катились по непаханой земле батальонные пушки.

Изредка в небе вспыхивали осветительные ракеты и гулко переговаривались наши и немецкие пулеметы. Тогда люди бросались на землю и замирали, а потом ползком продолжали продвигаться вперед.

Целую ночь батальон Мирзояна пробирался к аэродрому, до которого в мирное время, наверное, не больше двух часов ходу от деревушки.

Горизонт уже посветлел, когда впереди стали видны затемненные здания аэродрома.

— Залечь, окопаться! — раздалась команда по цепи. Забарабанили саперные лопатки. В воронках от бомб бойцы устанавливали орудия.

В полевой бинокль отсюда, как на ладони, было видно все, что происходило на аэродроме.

У аэродромных зданий суетились немцы, подтаскивали какие-то мешки — наверное, готовились к осаде. Прозвенел колокол небольшой церквушки. Там, должно быть, шла служба. На поле рядами стояли самолеты, похожие на огромных умерших птиц. Но комбат понимал, что в любую минуту эти птицы могут воскреснуть. В любую минуту, как только пойдет бензин... Мирзоян знал, что уже больше суток соседняя дивизия ведет бой за бензозахранилища. Нужно действовать.

...Через полчаса по шоссе, ведущему к аэродрому, шагала группа эсесовских автоматчиков во главе со штурмбанфюрером. Часовые у главных ворот молча расступились.

— К-к-как приветствуете с-с-старшего п-по чину? — заорал штурмбанфюрер. Он говорил заикаясь, и лицо его побагровело от злости.

Часовые вытянулись в струнку и приложили пальцы к пилоткам. Пытаясь утрясти недоумение, что-то лепетал унтер. Штурмбанфюрер прошел со своей командой на аэродром и скрылся в здании штаба.

* * *

— Каким образом вы очутились здесь?

— Этот вопрос, генерал, лучше задать вашей охране.

Генерал посмотрел на Мирзояна уставшими от бессонницы глазами.

— Что вам от меня нужно?

— Нужен приказ о сдаче аэродрома.

— Вы предлагаете это мне, старому солдату?

— Я прошу вас как старого солдата, как старого человека... Вы можете сохранить жизнь сотен людей. Их смерть была бы бессмысленной. Разве мало смертей принес фашизм? Зачем же и теперь должны умирать солдаты? Во имя чего? К чему еще одно преступление брать вам на свою седую голову? Гитлер уже проиграл войну.

— Вероятно, вы правы. Но приказа я все равно не отдам. Можете расстрелять меня. Только не забывайте вы, кричащие о своей гуманности — вон в тех строениях живут семьи офицеров. Женщины и дети — понимаете? Если вы откроете огонь по казармам, раньше других погибнут невинные.

— Тем более, генерал! Я же предлагаю вам капитулировать. Отдайте приказ — и мы можем избежать этого.

— Но я никогда не смогу избежать позора.

— Позора? Перед кем? Перед Гитлером и всей этой бандой? Встаньте! Идемте со мной. Нет, наденьте фуражку. Я веду вас к вашей семье...

Мысль повести генерала к его семье, собрать жен и матерей немецких офицеров, чтобы попытаться с их помощью уговорить генерала отдать приказ о капитуляции, пришла внезапно, когда тот показал в окно на легкие коттеджи неподалеку от штаба.

Это было рискованно. Это могло стоить жизни. Но сейчас только в этом видел Мирзоян надежду захватить аэродром. Фашисты не знают, что штаб занят советскими бойцами. А если и узнают, то вряд ли подумают, что здесь всего один батальон. Нужно воспользоваться моментом.

Они вышли из кабинета. Генерал впереди. Мирзоян следом за ним, сжимая в кармане теплую рукоятку пистолета.

— Передайте командиру первой роты, что он замещает меня, — бросил на ходу Мирзоян часовому в немецкой форме.

Когда вышли из здания штаба и направились к дому генерала, Мирзоян сказал:

— Сейчас вы скажете своей жене, чтобы она собрала всех жен и матерей военнослужащих. Я хочу поговорить с ними и попросить выбраться отсюда с детьми. Но предупреждаю: одно лишнее слово — и я расстреляю вас прямо в доме.

— Не надо предупреждений. Вы делаете гуманный шаг...

Все было так, как и предполагал Мирзоян. В семье генерала не вызвало удивления, что он пришел с каким-то штурмбанфюрером. Генерал слово в слово передал жене то, что требовал Мирзоян.

— На аэродроме будет производиться минирование, — пояснил он, — могут произойти несчастные случаи.

Накинув жакет на плечи, жена генерала вышла из дома.

Наступила тишина, в которой Арам, казалось, слышит стук собственного сердца. Прошло всего минут двадцать, не больше, когда у дома раздалась женские голоса. Но Мирзояну эти минуты показались долгими часами.

«Нет, они ничего еще не знают...» Он дождался, пока все вошли, и отошел к двери. Незаметным движением чуть приоткрыл ее и, не вынимая руки из кармана, не спуская глаз с генерала, сказал:

— Я — представитель советских войск.

— Боже! — с ужасом воскликнула жена генерала. Женщины испуганно смотрели на Мирзояна.

— Спокойно! Вам ничего не угрожает. Мы не убийцы, — голос Мирзояна зазвучал взволнованно. — Мы пришли сюда не завоевывать и убивать, как приходили к нам ваши солдаты. Мы хотим сохранить жизнь вашим мужьям и братьям. Она им понадобится для новой, свободной Германии... Убедите этого человека мирно сложить оружие. Аэродром окружен. Повторяю — всем будет сохранена жизнь.

— Прекратите этот фарс! — закричал генерал. — Идемте, я подумаю.

Вернувшись с генералом в здание штаба, Мирзоян подтянул вперед взводы автоматчиков, расставил пулеметные точки.

Теперь нужно ждать боя: кто-нибудь из женщин наверняка сообщит фашистам о появлении солдат.

В тревожном ожидании шло время.

...Ганс Шерман в раздумье сидел у окна, глядя на здания, где укрепились его солдаты и офицеры.

Вдруг перед окнами штаба появилась толпа — женщины, старики, дети. Они размахивали белыми платками.

— Хорошо. Я сделаю это, — устало сказал генерал. — Сделаю ради детей. Простят ли нам они когда-нибудь все то, что было раньше?.. — И он снял телефонную трубку.

— Господин капитан! Приказываю сложить оружие и сдать его представителям советских войск. Что? Выполняйте приказ, мальчишка! Вон там идет ваша мать! Знайте, что мать, а не фюрер — родина!

— Ну что? — нетерпеливо спросил Мирзоян.

— Защитники аэродрома прекращают сопротивление, — ответил генерал. — Вермахту конец.

* * *

Второй раз он встретился с бывшим майором на том же самом берлинском аэродроме.

Это был один из первых рейсов «ТУ-104». И старый авиатор Ганс Шерман решил взглянуть на чудо техники. Меньше всего ожидал он, что будет свидетелем и участником другого чуда. Сначала он не узнал майора и долго вглядывался в сидящего полного человека, только что сошедшего по трапу. Человек этот вел себя не так, как остальные пассажиры. Он не спешил к зданию вокзала. Он осматривал аэродром, словно что-то вспоминая.

И тут Ганс Шерман узнал его. Да, он подошел к нему и протянул руку:

— Здравствуйте, геноссе. Теперь я имею права сказать так... товарищ.

Их вторая встреча была такой, будто тогда, в сорок пятом, они встретились не врагами, будто это были два ветерана, два старых друга, которые долго не виделись. С тех пор началась их переписка.

И часто почтальон Гюнтер в Дрездене, заходя в школу гражданского аэрофлота, кричал с порога:

— Директору письмо из Степанавана, из СССР...

...Ганс Шерман еще раз оглядел колонну, взглянул на часы и направился к почте.

Молодой парень, вот уже несколько минут с интересом наблюдавший за ним, подошел и спросил:

— Вы были в Сопротивлении? Вы — старый тельманец?

— Нет, геноссе, — ответил Шерман. — Я, к несчастью, не смог разобраться тогда в жизни. Это он — настоящий тельманец. — И Шерман показал рукой на колонну, где среди многих имен и фамилий горели в лучах утреннего солнца армянские буквы Арама Мирзояна.

Парень из Байтара

(часть первая)

Арам любил приходить сюда, на обрыв, и подолгу сидеть, встречая рассвет.

Казалось, все вокруг — каждая травинка, каждый камень просыпаются и о чем-то говорят друг с другом. А внизу, в ущелье, шумела, грохотала освободившаяся от ледяного покрова река.

Всякий раз он словно открывал это место заново. Таким необычным, всегда новым был контраст между спокойными, тихими лугами Амассийских гор и этой стремительной, всегда спорящей с кем-то рекой. А небо над головой в эти утренние часы было синее и чистое. Кажется, протяни руку — и дотронешься до него.

У парней в селе Байтар были другие увлечения — футбол, джигитовка, борьба. Мало кому удавалось одолеть Арама на травяном ковре или на беговой дорожке районного стадиона, куда часто ходили байтарские парни. От отца он унаследовал недюжинную физическую силу. Недаром Шамир Мирзоян был когда-то кузнецом. Но, верно, еще больше перенял Арам у своей матери властную мягкость характера, любовь к природе, к тишине.

Он считал этот обрыв своей вотчиной, своим личным владением. И поэтому немало изумился, когда однажды придя сюда, как обычно, перед самым восходом, увидел тоненькую девичью фигурку.

Он несколько раз с независимым видом прошелся мимо незнакомки.

Когда он остановился прямо перед ней, она даже не повернула головы. Словно продолжала разглядывать что-то в долине и Арам вовсе не мешал ей.

— А ведь я могу тебя поколотить, — нарушил молчание он. — Неужели ты не боишься?

— С какой стати мне тебя бояться? — рассмеялась незнакомка. — Я вообще не боюсь смельчаков, которые воюют с девчонками.

Арам покраснел от стыда.

Стараясь говорить как можно вежливее и спокойнее, стал объяснять:

— Понимаешь, я не знаю, как тебя зовут. Раньше я тебя никогда не видел в нашем селе. Но это мое место. Понимаешь? Мое! Я сюда часто прихожу. А зачем — не твое дело. Теперь тебе понятно?

— Ничего мне не понятно. Ты что, купил этот обрыв? Может быть, ты помещик?

Арам не знал, что делать. Драться с девчонкой — это, конечно, последнее дело. Но как прогнать ее отсюда? Не уходить же самому! Еще решит, что он испугался.

У девчонки были огромные серые глаза и толстые косы. Как бы желая показать, что вовсе не собирается уходить отсюда, она развязала ленту и стала переплетать косу,

— Знаешь что, — неожиданно предложила незнакомка, — давай здесь сидеть вместе. Ты не беспокойся, я о твоём обрыве никому не скажу. А вдвоем даже лучше. Веселее. Как тебя зовут?

Это прозвучало так миролюбиво, что Араму ничего не оставалось другого, как согласиться.

— Ну, Арам.

— Да не «ну Арам», наверное, просто Арам? А меня — Нелли. Мы приехали сюда из Степанавана. Мой папа будет работать у вас председателем колхоза. А твой кто?

— Мой? — Арам смутился.

Что ответить этой любопытной девчонке? Словами того человека, который вошел в их дом ночью, скрипя новенькими ремнями, и увел куда-то его отца?

— Вот ордер на арест, — сказал он. — Мы произведем обыск.

Он так и сказал: «произведем». Мать заплакала. А отец — он еще не успел одеться и стоял посредине комнаты в накинутаой прямо на майку старой кавалерийской шинели — отец обнял мать, потом схватил и высоко поднял над головой сестренку и улыбнулся:

— Пустяки. Не волнуйтесь. Это просто недоразумение. Скоро все выяснится и я вернусь домой. Правда, сынок?

Но ошибка не выяснилась. Отец не вернулся ни утром, ни на следующий день. Он не возвращался уже целый год.

А, может, словами школьного учителя?

«Твой отец враг народа. Я понимаю, тебе трудно поверить в это. Но зря у нас не обвиняют. Забудь о нем. Дети за отцов не отвечают».

Забудь отца? Нет, Арам этого не может. Он никогда не забудет его — самого доброго и сильного. Отец всегда говорил, что жить нужно для народа, чтобы все люди стали счастливыми, чтобы у всех были дома и пища... И народ любил его отца. Ведь недаром его избрали первым председателем колхоза в Амассийском районе. Только бывшие кулаки Бояджяны плохо говорили об отце. Но ведь это не народ. Учитель тоже говорил, что Бояджян — враг народа. Не мог же быть его отец другом этого жадного и злого Бояджяна!

Как разобраться во всем этом? Как ответить этой незнакомой девчонке?

— ...Мой? Ты спросила, кто мой отец? Мой — большевик! — вдруг быстро сказал Арам и, резко повернувшись, бросился прочь.

* * *

Быстро идет время. А в Амассийских горах, где только снежные шапки на вершинах остаются неизменными, а все остальное словно движется вперед, постоянно меняя краски, время кажется еще более быстрым.

Арам подружился с Нелли. Они учились в разных классах, но вечерами после занятий всегда бывали вместе.

Однажды, когда возвращались из школы домой, приятель Арама Рафик Хачатурян сказал:

— Наверное, невзлюбил тебя математик. Третий раз «пара»...

Арам дернул Рафика за рукав, но поздно: Нелли услышала. И когда Рафик свернул на свою улицу, она спокойно, как о чем-то самом обыденном, сказала:

— Знаешь что, Арам, давай заниматься вместе. С сегодняшнего дня. А то скучно как-то — одной решать задачи... Хорошо?

Арам улыбнулся. До чего же чудесная Нелли!

Нелли оказалась очень строгим учителем. Она по несколько раз заставляла Арама писать и переписывать алгебраические формулы, доказывать теоремы.

А после занятий они шли вдвоем на обрыв и подолгу сидели там, разговаривая обо всем на свете.

Арам, сам того не замечая, постепенно забросил всех своих прежних друзей. Даже на спортивные игры не приходил. И Нелли, внутренне, чисто по-женски радуясь этому, но проявляя великодушие, как-то в субботу сама предложила ему поехать на стадион.

* * *

В этот день команда школьников Амассийска принимала гостей — футболистов из Степанавана.

Игра была очень важной. От ее исхода зависело, кому суждено будет участвовать в спартакиаде районных команд республики.

Арам так яростно болел за своих ребят, что даже охрип.

Но амассийцы проиграли, и со стадиона все возвращались в мрачном настроении.

Нелли предложила пойти пешком через сады; хотелось развеяться, забыть неприятные минуты поражения своей команды.

Миновав последние дома Амассийска, утопающие в густых садах, и колхозные виноградники, ребята углубились в невысокую миндальную рощу. Вмиг улетучилось плохое настроение. С криками, смехом парни бросились собирать миндаль.

Раздвинув ветви дерева, Нелли вдруг вскрикнула. Прямо на нее, пригнув к земле тяжелую голову, увенчанную толстыми завитыми рогами, шел горный козел.

Она бросилась в сторону. Но словно угадав ее намерение, животное резко повернулось и кинулось на нее. Еще секунда, и хрупкое тело девушки было бы растоптано.

Нелли закрыла от ужаса глаза. В это мгновение что-то задержало животного, сбilo его с ног. Освободившись от неожиданного врага, козел бросился наутек, ломая кусты.

Когда час спустя у тихо потрескивающего костра ребята восхищались смелостью Арама, он только разводил руками...

* * *

После всего случившегося Нелли заболела. Слишком сильным было это потрясение, это, пусть даже секундное, ожидание смерти.

Арам и другие ребята часто навещали ее. А когда мать сказала, что дело пошло к выздоровлению, стали приносить задания из школы, чтобы Нелли не отстала от класса.

В субботу уроки окончились раньше обычного. Назавтра был назначен комсомольский воскресник. Решили разбить парк у здания школы.

Арам и Рафик сразу направились к Нелли. Дверь им открыл незнакомый юноша.

— Вы к Нелли? — протянул он руку. — Проходите. Я ее брат, Сергей.

И, пропустив гостей вперед, он тоже вошел в комнату.

— Ну, что у вас тут новенького, в колхозной деревне? Как учеба? — спросил он нараспев, усаживаясь в кресле.

Арам и Рафик чувствовали себя явно неловко.

— Знаешь, не вовремя мы, должно быть. И Нелли нет... — шепнул Рафик.

— Она сейчас придет, пошла с матерью к врачу, — сказал Сергей. — Придется немножко подождать.

— Да мы, собственно, на минутку. Вот хотели сказать Нелли, что у нас завтра воскресник... Так что, если хочет, пусть приходит. Не работать, конечно. А так — посидеть, подышать воздухом. И нам веселее будет...

— Ишь ты, орел! — захохотал Сергей, — им будет веселее! Нет, братец, хотя воскресник дело, бесспорно, доброе, но Нелли еще рановато после болезни. Да и вообще, с каких это пор девушкам на воскресниках свидание назначают? — он снова зычно захохотал.

Потом достал из кармана платок и, вытирая выступившие от смеха слезы, спросил:

— Ну, а с учебой как у вас, почтенные рыцари? Ведь теперь с троечками в институт не попадешь. Я поступал три года назад на истфак — два человека на место было. И то еле удалось проскочить. А в прошлом году уже пятеро на одно место...

— А у нас троечек нет, — резко сказал Арам. Его почему-то начинал раздражать этот развязный тон старшего брата Нелли. — Что касается института, то я пока и не собираюсь. Пойду работать в колхоз.

— Ну, это ты, братец, зря. Отцы наши не для того революцию делали...

«А матери кто поможет вырастить братьев и сестренку?!» — усмехнулся про себя Арам, но ничего не сказал, а только махнул рукой.

Сергей расценил этот жест по-своему.

— Напрасно ты так легко отмахиваешься от учебы. Без этого сейчас в люди не выйти... Вот Нелли наша, например, обязательно пойдет в институт после школы.

— В какой? — спросил Рафик. — Она ничего не говорила об этом.

— Не все ли равно в какой? Куда поступит. Главное — это диплом, высшее образование, понятно?

Дверь открылась, и в комнату вошла Нелли. Она была в ярко-синем платье, и Араму показалось, что в ее глазах переливаются маленькие горные реки. Он шагнул ей навстречу.

— Нелли!

— О, Арам! Здравствуй, Рафик! Извините, ребята, что заставила ждать. Я ведь знала, что вы придете. О чем, кстати, вы здесь спорите?

— Да вот, Неллечка, друзья приглашают тебя на воскресник. Я и говорю, что тебе еще рано...

— Мы ведь не работать зовем, а так, за компанию.

— А мне как раз врач велел больше на воздухе бывать. Спроси у мамы, — Нелли сердито посмотрела на брата. — Конечно, заходите за мной. Обязательно заходите!

Но когда на следующее утро Арам забежал за Нелли, его встретила мать девушки и сказала, что Нелли уехала с братом в Степанаван. Когда вернется — неизвестно. Может быть, завтра, а может быть — через неделю.

Не знал Арам, что накануне вечером стал причиной большого спора в этом доме.

* * *

...Закрыв за Арамом и Рафиком дверь, Сергей резко хлопнул рукой по столу и заходил по комнате. Нелли хотела пойти помочь матери по хозяйству, но он остановил ее:

— Подожди. Нам надо серьезно поговорить. Кстати, мама тоже должна это слышать. Жаль, что отец еще не вернулся с работы. Ну, да ничего. Я думаю, что выражу и его мнение.

— Мама, можно тебя на минуту? — крикнул он.

Когда мать вошла в комнату, он попросил сесть ее и Нелли:

— Дело вот в чем. Я настаиваю, чтобы Нелли прекратила эту сомнительную дружбу.

— Что ты имеешь в виду? — Нелли побледнела.

— Ты уже не маленькая. Через год получишь аттестат зрелости. А вот зрелости тебе не хватает. Знаешь кто такой — этот твой приятель Арам Мирзоян?

— Прекрати сейчас же! Я не желаю ничего слышать о нем. Он мой друг!

— Сергей правду говорит, доченька, — вмешалась мать. — Арам тебе не пара. А дружба с парнем в твои годы — это, знаешь...

— Мама!

— Что «мама!» — Сергей в гневе вскочил с места и опять зашагал по комнате. — Это человек без всякой перспективы, твой Арам. Он и учиться не хочет. Хорошенькое будущее тебя ожидает! Я уж не говорю о том, что это вообще, как мне показалось, фрукт порядочный. Недаром говорят: яблоко от яблони недалеко падает.

— Да, дочка, — кивнула мать, — ведь у Арама отец арестован. Говорят, за контрреволюцию осудили... Ты, что, хочешь, чтобы у твоего папы были неприятности из-за этой дружбы?

Нелли сидела бледная как полотно. Она хотела вскочить, крикнуть, что все это неправда, что Арам замечательный человек, ее лучший друг. Но слова застряли в горле. И не было сил подняться.

— Вот что, — как бы подводя итог разговору, веско сказал Сергей. — Завтра я еду в Степанаван. Поедешь со мной. Отдохнешь там недели две у тети. А вообще взрослеть тебе пора, сестричка. Пора думать о своем будущем.

* * *

На воскреснике работали дружно и весело. Рафик принес тар. Ребята под музыку копали землю и сажали молодые деревья.

Незаметно прошло три часа. Восемь рядов стройных, тонких яблонь встали на школьном дворе. И только одно деревце стояло в стороне от этого будущего сада.

Когда учительница спросила Арама, почему он посадил дерево в стороне, он ответил, глядя ей прямо в глаза:

— Это не случайно, Вардуи Михайловна. Я посадил эту яблоню в честь одного человека.

Учительница ничего не сказала в ответ, только стряхнула рукой кусочки сухой земли, приставшие к его рукаву.

...Нелли не поехала к тетке в Степанаван. И не потому, что ей удалось отстоять себя в споре с братом. Неожиданно на ее сторону встал отец. Это был широкоплечий человек, с редкой для южанина копной золотистых волос.

— Кто дал тебе право, мальчишка, распоряжаться в доме? — закричал он на Сергея, когда узнал о случившемся. — Никуда она не поедет! А что касается этого парня из их класса — Мирзояна, то пусть дружит. Друзей терять нельзя!

— Да ты знаешь, кто...? — возмутился Сергей.

— Знаю. Молод ты еще судить об этом, — отрезал отец.

Так и уехал Сергей, не добившись своего, затаив в сердце злобу на Арама Мирзояна.

* * *

Строга и разборчива человеческая память, и не всякая встреча оставляет в ней след. Есть встречи и события, которые проходят мимо, как случайный прохожий, едва задев нас локтем в толчее шумной улицы.

Но есть другие встречи, другие события...

Такой была для Арама Мирзояна встреча с секретарем ЦК партии Армении Агаси Ханджяном, который приехал на выпускной вечер байтарской школы.

Секретарь сам вручал аттестаты зрелости отличникам. А когда пожимал руку Араму, спросил:

— Ну, куда после школы? Небось, на физико-математический?

— Да нет, — ответил Арам, — пока останусь работать в колхозе. А там разберусь, где продолжать учебу. Мне кажется, у человека должно быть призвание к чему-то определенному.

— А что же ты, без призвания пятерки по всем предметам получил?

Секретарь еще раз протянул руку Араму Мирзояну и, обращаясь к учителю, сказал:

— За то, что ребят хорошо учили — спасибо. А за то, что людей в них настоящих воспитали — двойное спасибо!

И опять, повернувшись к Араму, улыбнулся:

— Ну, что ж, в добрый час.

Нелли уезжала в Ереван поступать на филологический факультет университета. Арам оставался в деревне. Он уже устроился на работу помощником комбайнера.

Из Еревана приехал Сергей, поэтому Арам не хотел идти прощаться домой. Он попросил ее в последний раз прийти к обрыву.

В такое жаркое дневное время они никогда не бывали здесь. И, может быть, из-за пекущих лучей солнца, от которых некуда было укрыться, из-за ленивой, поблекшей травы, он вдруг показался Араму каким-то однообразным, этот обрыв, когда они пришли сюда.

Он поймал себя на мысли, что думает об этом, а вовсе не о том, что наверное, никогда больше не увидится с Нелли.

Как может она вот так просто взять и уехать... Учеба, конечно, это очень важно. Но почему бы ей не поступить на заочный и тоже остаться поработать в деревне, работать вместе с ним, с Арамом! Нет, чужие мы с ней люди. Да и что я могу значить для нее? Мальчишка, одноклассник, с которым она дружила и в которого была немножко влюблена. Что ж, школьницы всегда немножко влюблены...

Она, заметив какую-то отчужденность своего друга, обиделась, резко поднялась и, стряхнув травинки с сарафана, сказала:

— Ну, мне пора. Ты не провожай.

И вдруг обвила руками его шею, порывисто и крепко поцеловала, повернулась и побежала к деревне.

— Прощай, Нелли, — шепотом, словно самому себе, сказал Арам. — Прощай обрыв, прощай детство...

Здравствуй, жизнь

(часть вторая)

Знойные летние дни сменялись темными и прохладными ночами. Земля отдыхала, как и люди, которые трудились на ней.

Первое время Арам так уставал с непривычки, что придя домой, еще засветло валился на кровать. Ныли исцарапанные в кровь руки, болела спина.

Не раз слезы обиды застилали его глаза, когда комбайнер Гурген Маштоян покрикивал:

— А ну, академик, живей поворачивайся! Это тебе, брат, не арифметика, а высшая математика.

И почему-то всегда, когда Маштоян распекал Арама за какую-нибудь оплошность, откуда-то, будто из-под земли, появлялись посторонние слушатели. То это был почтальон, доставлявший в поле газеты, то жена Маштояна, приносящая ему завтрак в поле, то кто-нибудь из механизаторов, а то и сам председатель.

Араму казалось, что вся деревня знает уже о его неумелости и нерадивости, и все смеются над ним. Он даже стал избегать встреч со старыми школьными друзьями, старался не попадаться на глаза своим бывшим учителям.

С Маштояном ему не хотелось объясняться, но однажды он не выдержал.

Когда во время обеденного перерыва они вошли в колхозную столовую и тот, как всегда, привычно крикнул под общий смех:

— А ну, академик, покажи, что ешь ты лучше, чем работаешь!

Арам так же громко, чтоб услышали все, ответил:

— Я пока еще не академик. Но и вы сами профессор липовый. За целый месяц не объяснили ни разу устройство машины. Больше я с вами работать не буду.

Дружный хохот механизаторов грянул с такой силой, что зазвенели пирамиды тарелок в окне раздачи.

— Ловко он тебя, Гурген!

Арам выбежал из столовой. После обеда на работу он не вышел. Весь остаток дня лежал и читал книгу. На вопросы матери ответил односложно:

— Уволился. Завтра пойду в правление, попрошусь на другую работу.

Но все произошло иначе. Поздно вечером кто-то постучал в дверь. Арам поднялся и босиком, не зажигая света, пошел открывать. На пороге стояли Маштоян и тракторист Карен Геворкян.

— Ну, приглашай в дом, гостеприимный хозяин, — сказал Маштоян. В первый раз, обращаясь к Араму, он не назвал его «академиком».

— Разговор есть важный.

Когда уселись на кухне, чтобы не будить спящих, Маштоян продолжал:

— Вот что, друг, задумали мы с Кареном одно дело. Пришли посоветоваться. Ты ведь тоже — член нашей бригады. Да и знаний у тебя книжных больше, а мы уже многое подзабыли; верно, Карен? Если что не так — подскажешь...

И он положил на стол тонкую ученическую тетрадку. На обложке карандашом было старательно выведено: «Новый график работы тракторной бригады».

Арам почувствовал, что краска заливает его лицо. Он понял все. «Ну, конечно, зачем им мои советы! Что они — и без меня не разберутся, что ли? Просто хотят показать мне, что и меня уважают, что и я равноправный член их бригады. Вот пришли, словно и не было сегодня этого разговора в столовой, даже не спросили, почему не вышел на работу».

И он, стараясь не выдать своего волнения, раскрыл тетрадь...

Новый график понравился Араму.

Суть его состояла в том, что бригада должна была работать в две смены. Первая — с шести утра и до двух часов дня; вторая — с двух до десяти вечера. Таким образом, удлинялся рабочий день бригады, оставаясь неизменным для каждого механизатора в отдельности. Ведь по старому графику люди трудились те же восемь часов, только с девяти до пяти. Вот и получалось, что колхозники, выходя на работу в шесть утра, начинали ее без помощи техники, и целых три часа, пока в поле не появлялись машины, часто занимались лишь тем, что подправляли вчерашние недоделки. Темп такой работы был очень невысок, выработки маленькие, и люди были недовольны.

График, который предлагал Маштоян, давал каждому механизатору сменщика. Молодые парни, которые приходили в МТС из школы, и выполняющие, как правило, вспомогательные работы, должны были выучиться на трактористов и комбайнеров. А учить их взялись опытные механизаторы. Они-то, по замыслу бригадира, составят костяк двух бригад. И подумать об этом Маштояна заставил упрек, брошенный Арамом накануне во время разговора в столовой.

В тот день бригадир, как и Арам, долго не мог успокоиться. Он чувствовал свою вину перед этим колючим пареньком.

Уже в дверях, прощаясь, Маштоян протянул руку Араму и мягко сказал:

— А на шутку ты не обижайся. Без шутки ни в каком деле нельзя. Ну и прости меня, если чем обидел. Я ведь думал — ты так, перекаати-поле. А у тебя гордость наша есть, рабочая... Значит, выйдет из тебя толк. Завтра, если хочешь, начнем комбайн изучать. Выходи на работу пораньше на часок. Не проспешь? — и он крепкой жесткой ладонью сжал руку Араму.

* * *

Утром, еще подходя к автопарку, Арам услышал знакомое тархтенье мотора.

Маштоян уже ждал его. Он объяснил ему принцип работы комбайна, но когда Арам попросился за руль, усмехнулся:

— Нет, дружок, быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается. Прежде, чем доверю тебе машину, не один такой урок у нас с тобой будет. Ты уж не сердись. Сам понимаешь — не маленький.

— А я не спешу, дядя Гурген. Просто попробовать очень хочется.

— Еще наездишь на нем столько километров по нашему полю, что растяни их — на всю Армению хватит. А сейчас давай к прицепу — пора за работу...

С этого дня Арам старался выполнять любое поручение своего бригадира на совесть. Тихая гордость наполняла его сердце, когда, входя вместе с товарищами по бригаде в столовую, он слышал приветливое:

— Давай к столу, рабочий народ!

И дома долго с удовольствием отмывал испачканные машинным маслом руки, когда мать поливала ему из кувшина.

Так шли дни, первые рабочие дни Арама Мирзояна. В кипучих делах, наполнявших их, Арам все никак не мог сесть за письмо к Нелли.

Нет, нельзя сказать, что у него не было времени. Время, конечно, было. Но о чем писать? Сначала были неудачи — писать о них не хотелось. Теперь все идет хорошо, но и об этом хвастать рановато. Вот если бригада перейдет на новый график, как задумали, тогда...

Но предложение о новом графике неожиданно встретило препятствие. Директор МТС Саркис Григорян категорически запретил механизаторам выходить на работу в шесть часов утра.

— А сверхурочные из каких средств прикажешь платить? Да ты знаешь, что это прямое нарушение трудового законодательства! — кричал он, когда Маштоян и еще несколько механизаторов, в числе которых был и Арам, пришли к нему в кабинет. — Нет! И не вздумайте

болтать об этом колхозникам. Те, конечно, с радостью согласятся. А потом мне расхлебывай. Такая склока заварится — костей не соберешь.

— Ну почему же? — возразил Маштоян. — Раз колхозу это выгодно, нас и в райкоме поддержат.

— Поддержат... одной рукой, — усмехнулся Григорян, — а другой по шее надают. По первой же жалобе любого из вас, кто захочет получить сверхурочные за такую работу. А у меня сверхурочных нет, понимаешь? Да и что, война сейчас, что ли? Кто нам позволит заставлять работать бригады по десять часов в сутки?

— Ну, значит, вы не поняли, товарищ Григорян, сути нашего предложения, — выступил вперед Арам.

Таким тоном никто еще не разговаривал с директором, и друзья посмотрели на Арама с удивлением.

— Мы ведь предлагаем в две смены...

— А людей где возьмем? Не тебя ли или таких же сморчков за комбайны посадим?

— Арам Мирзоян может работать комбайнером. Я подам вам докладную, товарищ директор...

— Ну, это мы еще решим, может или нет. Говорить-то он, во всяком случае, мастер.

Так и ушли ни с чем из директорского кабинета.

Когда садились в эмтээсовский газик, Маштоян сказал:

— Ничего, руки опускать рано, ребята. На Григоряне свет клином не сошелся.

* * *

«...На Григоряне свет клином не сошелся».

Эти слова бригадира запали в душу Арама. И он решил действовать, не дожидаясь, пока бригадир, как условились, поедет в райком партии.

В райкоме комсомола, когда Арам приехал туда, царила необычная тишина. Инструкторы были на своих местах и деловито скрипели перьями, перебирали какие-то папки и бумаги.

Девушка из сектора учета сказала Араму, что сегодня никто принять его не может.

— Я ведь не здешний — заволновался Арам. — С работы отпросился. Очень нужно с секретарем поговорить...

— Вам же ясно отвечают: сегодня секретарь занят. Из города приехал ответственный работник товарищ Мелконян. Неужели не понятно?

Арам умоляющими глазами посмотрел на девушку.

— Мне минут на пять — не больше...

— А вопрос у вас личный или какой?

— Да, очень личный вопрос, дорогая!

— Ничем не могу вам помочь, — повторила девушка.

Арам уже собирался уходить, как вдруг из комнаты напротив вышло несколько человек. Один из них обернулся и, увидев Арама, махнул рукой.

— А, рыцарь двадцатого века! Как жизнь?

Арам узнал Сергея.

«Как это я раньше не сообразил — Мелконян! Значит, Сергей стал уже ответственным работником. Была не была...».

Он решительно подошел к Сергею.

— Здравствуйте, вот я по важному вопросу хочу поговорить... А тут не пускают.

— Как это не пускают? — громко переспросил Сергей. — Для комсомольцев у нас не может быть никаких преград в райком. А ну, выкладывай, что у тебя. Пойдем, секретарь, слушаем.

И он распахнул дверь одного из кабинетов.

Когда Арам сбивчиво и волнуясь рассказал о предложении Маштояна и о разговоре с директором МТС, в кабинете наступила какая-то настороженная тишина. Лишь из коридора доносился гул голосов.

Вдруг Сергей хлопнул ладонью по столу:

— Так... Вот что, дорогой друг. Предложение ваше правильное. Заслуживает внимания. Но пока еще не время для него. И товарищ Григорян, мне думается, в этом вопросе прав. Григорян — человек заслуженный, известный, он вам правильно сказал. У нас еще нет достаточных кадров, чтобы в две смены в МТС работать. А ты, если уже знаешь комбайн, можешь и в другую МТС перевестись. Люди, брат, вот как нужны. У товарища Григоряна многому можно поучиться. Как ты считаешь, секретарь? Здесь двух мнений быть не может.

Секретарь молча чертил на бумаге какие-то геометрические фигуры.

— Ну, я пойду, — Арам поднялся и шагнул к двери. — Только вот ребята наши имеют другое мнение...

Сергей побагровел?

— Нездоровое там у вас настроение, видно, появилось. Передай вашим ребятам, как ты их называешь, что авторитет товарища Григоряна мы никому подрывать не позволим!

Последние слова Арам слышал, уже шагнув в коридор.

* * *

— Ну и фрукт! — сказал Сергей Мелконян, когда за Арамом закрылась дверь. — Ты пошли туда кого-нибудь. Пусть соберут комсомольцев и дадут оценку поведению Мирзояна. Ведь это карьеризм чистой воды. Ты слышал, каким тоном он с нами разговаривал? Угрожал, сопляк, районному комитету комсомола!

— Ну, он, конечно, не угрожал... Это вы уж слишком...

— Нет, именно угрожал. И это не случайно. Я давно этого парня знаю. У них вся семейка такая. Отец его враг народа, тюремная птичка. Словом, этого дела так оставить нельзя. Райком должен принципиально реагировать.

Сергей встал, считая разговор законченным.

— Нет, не могу я с вами согласиться, товарищ Мелконян, — неожиданно сказал секретарь. Сказал тихо, но очень твердо.

— Что? Решил покрывать своих комсомольцев? Осложнений боишься?

— Ничего я не боюсь. А считаю, что неправильно это. — Вы же сами сказали, что предложение рабочих в общем полезное...

— Ах, рабочих? Формулировочки подыскиваешь? Ну вот что. Если ты не согласен с моим мнением, нам придется встретиться в центре. Мы тебя вызовем.

— Это ведь пока ваше мнение. Но я даже не об этом. Просто мне не по душе травля этого парня, которую вы затеваете.

— Значит, травля. Хорошо. Теперь понятно, откуда в районе такие эксцессы. Подрывают авторитет лучшего директора МТС и еще обвиняют в травле, когда их пытаются урезонить.

И он вышел из кабинета, шумно хлопнув дверью.

* * *

Арам вернулся домой с наступлением вечера и сразу сел за письмо к Нелли. Хотелось рассказать о событиях последних дней, поделиться своими сомнениями.

Но, начав так свое письмо, он порвал его и принялся за новое.

«Дорогая Нелли! — писал Арам. — У меня все в порядке. Очень жду того дня, когда ты приедешь домой на зимние каникулы. Ведь ты приедешь?

У нас сейчас холодно, часто идут дожди. А вчера даже выпал снег. А как у вас, в Ереване? Как твоя учеба?

Из ребят почти никого не встречаю. Может, потому, что многие разъехались, а может потому, что рано ухожу на работу и поздно возвращаюсь...

Нелли! Ответь мне поскорее! А за то, что я не сдержал обещания и не пишу каждый день — прости».

Арам хотел приписать в конце — крепко целую, твой Арам. Но после минутного раздумья закончил так:

«Твой друг Арам».

Заклеив конверт, Арам отправился к сельсовету, где висел почтовый ящик.

У сельсовета он неожиданно встретил сияющего Маштояна.

— Ну, пляши, Арам! Нас поддержали в райкоме. С понедельника начинаем по новому графику. Как? Доволен?

Арам не знал, что ответить. Оказывается, бригадир тоже не терял времени и успел побывать в райкоме партии. Вот был бы смех, если бы они встретились в Амасийске. Да и удивительно, что не встретились: райкомы-то в одном здании! Значит, все в порядке. И Араму стало стыдно от того, что он не поверил бригадиру, решил действовать в одиночку.

— Спасибо, дядя Гурген.

— За что спасибо? Это я, брат, не для тебя, а для дела старался. А может, и для тебя все же, а? — и он рассмеялся.

Мокрая осенняя земля тяжело ложилась под колеса машины. Арам будто ощущал ее мертвый, леденящий холод. Но в ее объятиях еще теплилась жизнь. Неубранные клинья урожая светлыми клочками виднелись до самого горизонта. Надо было как можно скорее убрать их, не дать осенней земле сковать их и убить.

Дружной шеренгой двинулись на эти клинья комбайны. И трудно было различить, где опытный механизатор, а где новичок.

Арам и его сверстники старались не отстать, ни в чем не уступить своим старшим товарищам. К обеду бригада Геворкяна уже выполнила дневную норму.

— Ничего, мы вас обгоним, — весело говорил Маштоян, влезая в кабину комбайна, когда приступила к работе вторая смена.

К вечеру по полю застрекотал, подсакивая на ухабах, мотоцикл и Григорян, хмурый и озабоченный, вылез из коляски рядом с комбайном Маштояна.

— Слезай, бригадир, — строго крикнул он.

И вдруг улыбнулся:

— Если будет время, опиши-ка подробно ваш метод. В других бригадах вводить будем...

— Да времени сколько угодно, товарищ директор. Сегодня же после работы представлю.

Вечером Маштоян рассказал Араму о разговоре с директором.

— То-то быстро он изменил свое мнение. Где же его принципиальность?

— Э, да я вижу, парень, у тебя в голове еще путаница порядочная. Это и есть принципиальность — вовремя признать свою ошибку и постараться исправить ее. Высшая математика! А не ошибается тот, кто ничего не делает.

— Вот так-то, академик! — закончил он.

* * *

В субботу, вернувшись после работы домой, Арам увидел на столе письмо от Нелли. Он с нетерпением разорвал конверт. И по мере того, как читал, глаза его застилало туманом, строчки дрожали и сливались...

«Арам!

Ты пишешь о нашей дружбе. Да, действительно, мы были друзьями. Были! Ты понял? Но ты оказался не тем, кем я тебя считала. Ты слишком плохо обо мне думаешь. А твоё хвастовство перед товарищами пускай лежит на твоей совести. Теперь я убедилась, что Сергей был прав. И, конечно, сожалею, что не послушала его раньше. Больше не пиши мне. Письма твои читать все равно не буду. Прощай!

Нелли»

В комнату вошла мать и, увидев побледневшее лицо Арама, воскликнула:

— Что с тобой, сынок? Что случилось?

Она взяла из его рук письмо и, пробежав глазами, отбросила в сторону.

— Бог с ней, сынок. Выбрось ее из сердца.

— Мама! Я никому ничего не хвастал. Откуда она взяла такое?

— Конечно, сынок, ты не мог говорить плохо о девушке. Недобрые люди ей тебя оболгали. А может, просто нашла кого-нибудь по сердцу. Ереван, знаешь, большой город... Не убивайся так, сынок, у тебя еще все впереди.

— Прости, мама, мне нужно побыть одному.

Арам вышел из дома.

Свежий вечерний ветер ударил в лицо. И только тут Арам почувствовал, что щеки его мокры от слез. Он вытер ладонью лицо и медленно пошел туда, где синели в вечерней дымке Амасийские горы.

* * *

Ничто так не ослабляет удары жизни, как время. И тем скорее и легче проходит беда, если твоё время насыщено делами, если с тобой рядом верные товарищи.

Арам с головой ушел в работу. А тут комсомольцы МТС избрали его своим комсоргом, выдвинули в бюро райкома комсомола.

Раз в неделю он ездил в Амасийск на заседания бюро. Да и в самой МТС было немало вопросов, решение которых зависело от комсомольской организации. Правда, организация эта пока была невелика — всего девять человек, но зато молодежи в МТС работало немало — сорок человек комсомольского возраста. И Арам решил, что главной задачей его работы будет подготовка ребят к вступлению в ЛКСМ.

То ли потому, что Арам был прост и приветлив, то ли потому, что ребята видели его решительность и смелость, но к нему часто стали обращаться за советом и помощью, а то и просто приходили поговорить о жизни, выкурить пару папирос.

Арам чувствовал, что он должен, обязан знать и уметь как можно больше, чтобы не обмануть доверие друзей. И поэтому часто он буквально насильно гнал от себя усталость и спящую дремоту и читал, штудировал учебники истории и журналы, взятые из библиотеки, делал выписки из газет.

На комсомольскую конференцию района Арам приехал позже других. Задержали дела по дому. Он вошел в зал, когда председатель уже сел на место и на трибуну вышел секретарь райкома.

Арам заметил в президиуме Сергея Мелконяна.

Увидев Мирзояна, председатель подал ему знак, чтобы Арам тоже поднялся на сцену. Но Арам махнул рукой: ничего, дескать, посижу и здесь, раз опоздал.

Доклад показался Араму скучным и однообразным. Собственно, все в нем было логично. Приводились цифры, назывались имена лучших и отстающих. И все же не было в нем какой-то живинки, что ли. Как будто писал все это посторонний наблюдатель, а не участник всех комсомольских дел.

Когда секретарь перевернул последнюю страницу своего доклада и пошел на место, раздались редкие аплодисменты.

— Кто хочет выступить? — спросил председатель.

В зале зашумели, но никто не поднялся с места.

— Что же, нам нечего здесь сказать друг другу?

— А что говорить? — крикнул с места худой парень. — Сто раз уж твердили, что клуб комсомольский организовать надо. Деваться некуда молодежи после работы...

В зале раздались одобряющие голоса?

— Правильно!..

— Товарищ! Если хотите взять слово, пожалуйста на трибуну, — сказал председатель.

— Не хочу взять.

Все засмеялись.

Арам не собирался выступать, когда шел сюда. Но теперь вдруг понял, что должен выступить, рассказать ребятам о том, как добились они работы по новому графику, обо всех делах их небольшой организации.

Ему стало вдруг обидно за секретаря райкома — этого молчаливого, но делового парня, за сидящих в этом зале. Неужели погас в ребятах комсомольский огонек!

— Разрешите мне?

Арам с трудом пробивался вперед. Как ни старался, не мог скрыть волнения. Ведь он впервые выступал перед большим собранием.

Приближаясь к трибуне, он встретился взглядом с Сергеем Мелконяном, который внимательно наблюдал за ним. Араму захотелось сказать сейчас все, что он думает о нем.

Отпив глоток воды, Арам оглядел зал. Кто-то крикнул:

— Выпей еще!

В зале засмеялись.

Арам, не обращая внимания на смех, начал:

— Ребята! Вот мы с вами, как отмечал докладчик, сделали много. А часто мы видели у себя в селах наших райкомовских работников?

— Ты смотри с чего начал, — обращаясь к соседу справа, оживился сидевший в первом ряду рыжеватый тракторист.

— И у нас не были, — раздались голоса из зала.

Вдруг председательствующий прервал:

— Товарищ Мирзоян! Выступайте по существу.

— Пускай говорит! — крикнул кто-то в зале.

— Чтобы знать дело, надо бывать на местах, и только после этого выходить с докладом.

А дела у нас такие...

Арам возвращался в зал под бурные аплодисменты.

Один за другим на трибуну стали подниматься комсомольцы.

Говорили обо всем, что наболело, и уже без опаски критиковали работу райкома.

— А вот этого товарища, — кивнула одна девушка в сторону Мелконяна, — мы вообще видим первый раз. А здесь говорили, что он шефствует от профсоюза над организацией.

Сергей сидел красный как рак. Наконец он взял слово.

Он стал оправдываться, ссылаться на занятость. А в конце концов переложил всю вину на секретаря райкома комсомола.

— И потом вообще я не понял тут некоторых, — заключил он. — Вот, говорите, клуб надо организовать. Так возьмите и организуйте! Что, за вас дяди и тети какие-то это делают?

— Зачем же тогда райком, если каждый сам по себе? — спросили из зала.

— Я считаю, что новый состав райкома должен все это учесть... — вышел из положения Мелконян.

* * *

Амассийск встретил Арама жарким, необычным для ранней весны утром. Легкая дымка тумана таяла в обступивших городок вершинах гор и, выступая из этой дымки, они казались совсем близкими. Впрочем, горы действительно были здесь словно принадлежностью улиц: любая улица выходила к их подножью.

Арама еще переполняли впечатления прошедших дней.

Его, Арама Мирзояна, избрали секретарем райкома комсомола.

Бурная комсомольская конференция, беседа в райкоме партии, колючее напутствие Мелконяна:

— Смотри, голову не сломай...

Все это смешалось, не давало забыть о себе, куда бы он ни шел, чем бы теперь ни занимался.

В райисполкоме Араму вручили ключи от комнаты, где ему теперь предстояло жить. Этот аккуратный двухэтажный дом находился в самом центре, на пересечении двух улиц. Мать всплакнула было, но Арам успокоил ее: что он, в самом деле, за тридевять земель едет, что ли?

В МТС все поздравляли его. А дядя Гурген на прощанье сказал:

— Ну смотри, не зарывайся. Доверие людей береги. И чтобы нас не забывал. Может, и мы тебе чем поможем...

Дни и месяцы комсомольского вожака района неосведомленному наблюдателю могли бы показаться скучными и однообразными. В девять утра Арам садился за письменный стол своего кабинета, возился с бумагами, принимал людей, а потом в шесть часов направлялся домой. И так каждый день, за исключением выездов в район.

Но это было лишь кажущееся однообразие. Ведь каждый человек, входящий в этот кабинет — это своя, пусть еще небольшая судьба, своя беда или радость И к нему, комсомольскому секретарю, несли люди порой самое сокровенное, самое дорогое на суд, на совет.

...В один из дней, когда в разгаре была посевная кампания и Араму приходилось чаще обычного бывать в селах, к нему подошел председатель Кондовского колхоза.

— Есть у меня к тебе просьба, секретарь, — обратился он.

— Да, пожалуйста.

— Вот ты частенько к нам приезжаешь, заметил, небось, что молодежи-то почти не видно в поле.

— На комсомольцев ваших ни от вас, ни от кого другого жалоб не было. Да я только час назад с комсоргом говорил, с Акоповой...

— Э, дорогой, что там Акопова, — махнул рукой председатель. — При чем тут жалобы? Я тебе говорю, бежит молодежь из деревни. В город норовят.

— А вы отпускаете?

— А как не отпустишь? Он тебе заявление — прошу отпустить на учебу. И точка. А я вот на прошлой неделе в Степанаван ездил, так трех таких «студентов» встретил. Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше. А ты мне — комсомольцы!

— Что же делать?

— Что делать — тебе лучше знать. Ты — комсомольский секретарь. Если так дальше пойдет, в Кондах одни старики да дети останутся.

— Да почему бегут-то люди? Трудодни у вас неплохие. Колхоз богатый. В чем дело?

Арам собрал комсомольцев села, поговорил с ними, но это не прояснило картины. Ребята, казалось, что-то не договаривали до конца.

И Арам решил, что такими наездами вряд ли можно помочь делу. Сюда надо прислать хотя бы одного работника райкома, и прислать не в короткую командировку, а до конца работ, на все лето. В конце концов что сейчас может быть важнее этого вопроса для сельского комсомола?

Весь обратный путь мысли его были заняты этим. Подымаясь по лестнице райкома, он уже знал, кого надо послать в Кондовский колхоз. Конечно, Киросьяна и Долуханяна. Ребята молодые, энергичные, хорошо знают эти места — сами оттуда. Целое лето проработать в поле с колхозниками — это и пахнуть не будет какой-то там ревизорской деятельностью.

Арам вызвал к себе Киросьяна, объяснил задачу. Но, к его удивлению, тот не выразил восторга, а, напротив, насупился.

— Мы райкомовские работники, — зачем отрывать нас от дела и посылать на целое лето в колхоз?

— От дела мы тебя не отрываем, — заметил Арам. — Скорее, наоборот, поручаем очень важное дело.

Арам решил продолжить этот разговор, собрав бюро райкома.

— Что у них там, комсорга нет? — не сдавался Киросьян.

— Есть. Но, видно, слабоват.

— Давайте другого поможем им выбрать.

— А вы людей знаете там? Чтобы реально помочь им, нужно поехать туда и не просто поехать, а вжиться, войти в коллектив, завоевать авторитет, — убеждал Арам. — Я настаиваю на этой поездке.

Бюро поддержало предложение Мирзояна.

На следующий день Арам опять отправился в район, а когда через неделю вернулся, обнаружил на столе записку: «Срочно позвоните Мелконяну».

— Что там у тебя происходит? — раздался в трубке знакомый певучий басок. — Работники райкома жалобу на тебя прислали. Ты нарушаешь законодательство. Эти волевые методы руководства надо оставить, пока не поздно.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, товарищ Мелконян.

— Ах, вот как? Ну, приезжай во вторник в Ереван. Мы тебе разъясним, если не понимаешь.

В трубке раздалась частые гудки.

* * *

Ереван поразил Арама. Он никогда еще не бывал в таком большом городе. Многоэтажные дома, людные улицы, множество машин, трамваев, автобусов — как все это не похоже на тихий Амассийск, где в нерабочие часы можно встретить лишь редких прохожих.

Узнав на вокзале, как проехать в ЦК профсоюза, Арам вскочил в отъезжающий автобус.

«С гостиницей успею, — подумал он. — Может быть, и задерживаться-то особенно не придется».

Кабинет Мелконяна был закрыт, и Арам минут тридцать расхаживал по коридору. Мимо проходили люди, но они были чем-то очень заняты и не обращали на него внимания.

Прошло полчаса, прежде чем в конце коридора показался Мелконян.

— Давно ждешь? Я, понимаешь, обедать ходил. Ты обедал? Нет? Ну тогда пойді перекуси. Поговорить мы успеем.

Арама немного озадачила эта перемена в тоне Сергея, но он ничем не показал, что заметил это.

— Ничего. Лучше сначала о деле.

Вместе с Сергеем он вошел в кабинет.

— Куришь? Вот это молодец... Что о деле? Ах, да, ты про эту жалобу? Мы тут подумали и решили, что правильно ты поступил. Давай твое командировочное, отмечу. Э... тут только на один день? Что ж ты так? Ереван бы осмотрел, в театре побывал...

— У нас сейчас работы по горло. Вот зимой, может, выберусь. Значит, все утряслось? Ну, всего доброго.

Арам ушел от Сергея, испытывая искреннее недоумение.

Только позднее, много дней спустя, узнал он истинную причину метаморфозы Мелконяна.

Оказывается, Сергей решил одним ударом покончить со строптивым секретарем Амасийского райкома. Он подготовил заявление на имя первого секретаря ЦК комсомола и приложил к нему жалобу Киросьяна. После проверки на месте этой жалобы ЦК комсомола ответило Мелконяну о правильных шагах Мирзояна.

Сергей был не такой человек, чтобы тратить время на размышления, если кто-то еще имеет свое мнение.

«Да, пожалуй, я тут маху дал, — подумал он, читая ответ. — Ну, подождем до другого раза».

* * *

Республика должна была выделить лучших комсомольцев призывного возраста для школ армейских политработников.

Сергей Мелконян, который был членом отборочной комиссии, не колеблясь, вписал в список имя Арама Мирзояна.

Люди с мелким кругозором себялюбцев всегда все оценивают с позиции своих желаний и интересов. Испытывая неведомый, затаенный страх перед службой в армии, Сергей считал, что то же самое чувствуют и другие.

«Вот прекрасный случай избавиться наконец от этого типа, — с радостью думал Сергей. — Пусть помучат его — узнает, почему фунт соли».

А на комиссии он говорил военному:

— Вот, например, Мирзоян, секретарь Амасийского райкома комсомола. Хороший организатор. Но так и быть — берите. В армии он будет полезен. А комсомол других воспитает. Комсомол — это, товарищи, главный резерв! Правильно я говорю?

Сергей говорил правильно...

* * *

Ритмично стучат по шпалам колеса.

Проплыли и исчезли вдали синеватые силуэты гор. А навстречу поезду открывались, словно гигантские объятия, поля России.

Стояла поздняя осень 1940 года.

Солдат

(часть третья)

Арам протянул рюкзак Василию и прыгнул на перрон. Они встали рядом, когда призывники построились в шеренгу. Но подошел военный в туго перетянутой ремнями шинели и сказал:

— Вы не на месте, встаньте на правом фланге.

Василий отличался гигантским ростом и могучим сложением. Уже в вагоне к нему прилипло брошенное кем-то прозвище «Колокольня».

— Эй, Колокольня, папироски не найдется?

— Колокольня, а ты что, родился в Армении?

— Я-то? У меня дед в Армении еще с Турецкой войны обосновался...

Араму понравился этот парень и он тихо, чтобы не слышали другие, сказал ему:

— Слушай, Вася! Ну что ты терпишь, когда тебя так называют? Тряхнул бы разок одного такого. Живо бы вспомнил, как тебя зовут.

— Да пусть потешаются! А что тут такого — Колокольня? Хорошее слово... Я в Москве был у родственников, знаешь там какая колокольня Ивана Великого?

Арам рассмеялся:

— Ну, тогда так, Колокольня, давай будем с тобой в один взвод проситься. Согласен? Мне, знаешь, старые люди говорили: дружи с силачами — и тебе сила передастся. Где ты работал до армии? Кузнецом? Вот это здорово. У меня отец тоже кузнецом был.

...Так устроен человек. Грусть, которая поначалу кажется безысходной, волнение, связанное с переменой места и обстановки, непривычность и первые неудобства армейской службы — все это улетучивается обычно еще до того, как начинается всерьез эта служба. И часто, еще не зная имен своих новых товарищей, еще только расположившись в теплушках, люди внутренне начинают чувствовать себя одной большой семьей. Теперь у них будет все одинаково — вплоть до сапог и шинелей...

Получив форму и переодевшись, Арам подошел к командиру своей роты:

— Товарищ старший лейтенант, можно вас на минутку!

— Фамилия? — спросил тот.

— Мирзоян... Я вот хочу...

— Рядовой Мирзоян! Смирно!

Арам застыл от неожиданности.

— В армии, товарищ боец, обращаться к старшему по чину положено так: «Разрешите обратиться, товарищ командир!» Понятно? Кругом! Повторите!

Арам щелкнул каблуками, повернулся.

— Разрешите обра...

— Отставить! Отдайте правильно честь.

Пот выступил на лице Арама. «Ну и солдафон попался!»

— В армии, товарищ боец, дисциплина и порядок — первое дело. С завтрашнего дня начнем занятия по уставу и строевой подготовке... Ну выкладывайте, что у вас случилось, — он улыбнулся и сразу показался Араму не таким уж несимпатичным человеком.

— Я хочу попросить вас, товарищ старший лейтенант, пока мы здесь, до школы политсостава... Одним словом, нельзя ли в нашу роту Василия Подгорного перевести? Дружок мой, понимаете...

— Почему же нельзя? Поговорю с его командиром, — если возражать не будет — переведем.

— Спасибо большое, товарищ старший лейтенант. Я пойду, можно?

- Надо сказать так: «Разрешите идти?»
- Разрешите идти, товарищ командир?
- Идите.

Утром по команде «подъем!» никого не пришлось будить. Когда человек волнуется, он всегда просыпается рано, хотя накануне долго не мог уснуть. Как знать, может быть этим можно объяснить удивительную работоспособность тех, кто ни в чем не может оставаться равнодушным, кто всегда волнуется и горит сердцем.

После физзарядки и завтрака роты двинулись на строевые ученья.

Вчера, в день приезда призывников в Ейск, город казался чужим и не особенно дружелюбным. В вечерних сумерках небольшие дома, сады, обступившие их, выглядели окрашенными в один темный цвет. А сейчас вся красота Кубанского края раскрылась перед молодыми солдатами. Это был простор, бескрайний простор, какой Араму еще никогда не приходилось видеть. Яркая зелень садов и сверкающие белизной дома, чистенькие хаты на окраине и синее небо, которое там, у горизонта, сливалось с таким же синим морем. Границу между морем и небом можно было заметить только по желтой полоске прибрежных камней, вплотную к которым подступала вспаханная, побуревшая от осенних дождей, степь.

Ощущение радости и света охватило Арама. Такой ликующей, яркой осени он еще не видел.

И, сам не отдавая себе отчета, Арам вдруг запел. Спohватившись, он умолк, но услышал голос командира, который шагал рядом с колонной.

— Молодец! Песню все знают? Запевай!

«Дай приказ ему на запад...»

Эту песню знали все. В ее простых, бесхитростных словах слились воедино любовь и мужество, гордость и надежда.

«Уходили комсомольцы на гражданскую войну...»

* * *

Первые недели службы были особенно трудными. Солдатские гимнастерки, несколько дней назад одетые впервые, побелели от выступившей соли. После изнурительных часов строевой подготовки, после длинных и быстрых солдатских марш-бросков, бега по пересеченной местности, занятий на полигоне Арам и его товарищи едва держались на ногах. Теперь уже после отбоя в казарме никто не пытался поговорить. Уставшие за день люди мгновенно засыпали.

И только Василию, казалось, все было нипочем. Этот добродушный гигант, как игрушку, нес на плече тяжелый ручной пулемет и еще предлагал уставшим ребятам:

— Давай, пока командир не видит, потащу твою винтовку...

Но Арам отказывался от помощи друга. Солдаты прошлогодного призыва говорили, что так трудно приходится только вначале, нужно выработать выносливость, приучить себя к утомительным переходам и маршам. Зато на тактических занятиях у макета, в учебной стрельбе Арам чувствовал себя, как рыба в воде. Стрелял он отлично, и командир роты часто хвалил его.

— Неужели вы до армии ни разу оружия в руках не держали? А ну, попробуйте из моего пистолета.

И Арам сажал из командирского пистолета пулю за пулей в самое яблочко мишени...

Но больше всего нравились ему тактические занятия у макета.

Небольшой макет из песка словно оживал перед глазами Арама. Он высылал боковое охранение, устраивал засаду, прорывался в расположение противника на стыках его частей...

— Слушайте условия задачи, — говорил командир. — Ваш взвод окружен. Вы занимаете круговую оборону. Части противника ушли далеко в наш тыл, оставив для уничтожения вашего взвода батальон. Как будете действовать?

— Разрешите спросить, товарищ командир?

— Спрашивайте.

— В какое время суток идет бой?

— Ну, допустим, ночью.

— Используя темноту и складки местности, трое бойцов проберутся за расположение противника, вот сюда. По сигналу — три одиночных выстрела — откроют огонь по врагу. Я поведу взвод в атаку прямо на этот огонь. Таким образом, в кольцо окажется взвод противника. Ведь он не будет меня атаковать на одном участке всем батальоном. Используя внезапность атаки, мы прорываемся к лесу и отрываемся от противника. Далее следуем на соединение со своей частью.

— Решение оригинально и правильно, — подводил итог командир и ставил в журнал отличную оценку.

Вечером, в часы самоподготовки, нередко продолжались эти тактические занятия. Продолжались в виде споров.

Однажды парень из Курска — Николай Дремов, уже скоро заканчивающий службу, сказал, тряхнув чубом:

— Слушай, Мирзоян. Вот на макете ты горазд решать задачи. А ведь в настоящем бою все не так может получиться. Ты что же думаешь, немец глупей тебя, что ли?

— Почему же обязательно немец? — удивился кто-то. — С немцами у нас пакт о ненападении.

— Э... брат, скажешь тоже. С фашистами хоть сто пактов заключи, а ухо остро держи. Помнишь, что политрук говорил? У них целые армии танковые, а у нас на весь полк только танковая рота.

— Что ж у нас один полк, что ли?

— Не один. Но вот танки-то распылены. А надо бы их в один кулак собрать... Мы, конечно, не маршалы, но тоже кое-что кумекаем.

«А ведь прав этот курский соловей», — подумал Арам.

Ему вспомнился учебник истории, рассказ о сражении за Царицын. Ведь тогда сосредоточили вместе всю артиллерию, броневики, бронепоезда и обрушили на белогвардейцев такой шквал огня, что их фронт на целые километры оголился.

— Правильно, Коля, — согласился он. — Но, я думаю, у нас в запасе и армии танковые найдутся. Пусть только попробуют перейти нашу границу...

* * *

Дни службы быстро сменяли друг друга и незаметно для самих себя недавние призывники становились уже бывалыми солдатами, начинали, как говорил старшина-сверхсрочник Иван Сидоренко, «понимать службу».

В начале марта пять человек из полка, в том числе Мирзоян, были зачислены в дивизионную школу политсостава.

Зачитывая приказ перед строем, командир роты сказал:

— Мы надеемся, что вы будете учиться так же добросовестно и станете хорошими командирами и комиссарами. Благодарю за хорошую службу, товарищи!

— Служим Советскому Союзу!

Но занятия начинались только через десять дней, а пока будущие курсанты получили время, чтобы позаниматься по школьной программе, вспомнить уже позабытые учебники.

Выписывая увольнительные в город, командир каждый раз приговаривал:

— Смотрите, чтоб кроме библиотеки — никуда. На девушек не заглядываться. Ясно?

— Так точно, ясно, товарищ старший лейтенант!

— Мирзоян назначается старшим. К построению перед обедом быть на месте!

Однажды, вернувшись в казарму из города, Арам увидел в своей комнате незнакомого солдата. Стоя спиной к двери, он говорил ребятам:

— Я Мирзояна вот с таких лет знаю. В одном селе росли...

Солдат повернулся на стук двери, и Арам сжал его в объятиях.

— Рафик! В нашу часть? Вот здорово! Эх, переводят меня в школу скоро. Ну ведь все равно в Ейске. Рассказывай, как там у нас? Был дома?

— Да сесть-то предложи сначала! Что дома? Дома все в порядке. Тебе же пишут. Не хуже меня все знаешь. Нелли вот с мужем приезжала...

— С мужем?

Они вышли из комнаты.

— Ты разве не знаешь, что Нелли замужем теперь?

— За кем? — машинально спросил Арам, чувствуя нелепость своего вопроса: какая теперь разница — за кем.

— Да не знаю. В общем, симпатичный парень. Но она какая-то странная. Три дня в селе была, а с мужем их вместе видели только когда приехали да когда уезжали... С утра куда-то уходит на целый день, а возвращается домой, когда уже темнеет. Я, знаешь, дай думаю, посмотрю, куда это она ходит? Ну, время свободное, пошел за ней незаметно. К обрыву, знаешь, за селом пришла, уселась на какой-то пенек и глядит... Скажи, Арам, а здесь как, ничего служить? Командир хороший?

— Хороший, хороший... Ты прости меня, Рафик, после поговорим.

Рафик пожал плечами и направился в комнату.

— ...Сам виноват. Струсил, когда пришло ее письмо, не ответил. Теперь Нелли потеряна навсегда, — шептал Арам, идя по коридору казармы.

* * *

В дивизионной школе политсостава Араму было учиться нетрудно, сказывался опыт комсомольской работы. И уже через три месяца приказом командира полка он был назначен заместителем политрука в своем же батальоне.

— Будете работать во второй роте, — сказал политрук. — Народ вы там знаете.

Арам обрадовался. И только позднее убедился, что это не так-то просто — вернуться командиром к своим вчерашним друзьям и однокашникам. Друзья его по-прежнему называли просто по имени, а устав и дисциплина требовали иного. Арам опасался, что такое может произойти и в присутствии командира или политрука, но прямо сказать об этом своим товарищам не решался: подумают, зазнался...

Но, оказалось, он недооценил своих друзей.

Однажды на занятиях, когда командир роты объявил «перекур», Василий Подгорный подошел к Араму и, вытянувшись, громко сказал:

— Разрешите обратиться, товарищ младший политрук.

— Я вас слушаю, — ответил Арам, а сам подмигнул другу: — Молодец, спасибо. А то я уж хотел в другую роту проситься...

Но командир роты услышал, что шепнул Арам Подгорному и после занятий, когда все пошли на обед, сказал:

— Дружбой в армии надо дорожить, товарищ Мирзоян. Тут стесняться нечего. Я вот с комполка нашим одно училище кончал. Так для меня он всегда Васей будет. Ну, конечно, не на службе, тут уж — товарищ командир полка. Но поблажек он мне не дает, надо сказать, никаких. А вот вечером, после отбоя, на чай приглашает... Я к нему в полк сам просился. И

он знает — командира подводить нельзя, а друга и командира — тем паче. Это и есть солдатская дружба.

* * *

В воскресенье в роте ждали приезда шефов.

В Ленинской комнате рядами стояли стулья и скамьи. Здесь должна была состояться заключительная часть встречи — концерт художественной самодеятельности.

— Знаешь, кто наши шефы? — спросил Арам Василия. — Пионеры из 4-ой Ейской школы.

— У-у... А я-то думал, хотя бы из техникума... — разочарованно протянул кто-то.

— Ну, ясное дело, — засмеялся Василий, — тебе бы женскую роту в шефы.

— Слушайте, ребята, давайте и мы ответим шефам концертом. А то неудобно как-то получается. Идите, детки, веселите дядей, почитайте им стишки, неотесанным, спойте песенки... А дяди посмотрят, послушают и до свидания — так, что ли!

— Верно говоришь, Арам. Что мы, рыжие? — сказал Николай Дремов.

Солдаты засмеялись.

— Ты, понятно, блондин, — улыбнулся Арам. — Никто не спорит. Но что мы можем им показать?

— Как что? Я, например, готов вызвать огонь на себя. Спою «Катюшу».

И я — «Дывлюсь я на нэбо», — вставил Иван Мирошниченко.

— Давайте только с политруком посоветуемся.

Политруку понравилось предложение.

— Жаль только, на репетицию уже времени нет. Через час гости приедут. Ну не беда, давай, записывайся, — и он открыл планшет.

Вокальных номеров и плясок оказалось с лихвой. Не хватало только чтеца.

— А что же это товарищ Мирзоян увиливает? — воскликнул Василий. — Ведь это его идея — концерт дать! Знаешь, Арам, назвался груздем...

— Полезай на сцену... — заключил политрук. — Что будете читать, товарищ Мирзоян?

— Любимое свое прочту. Стихотворение Чаренца «Песню борьбы».

Скоро к воротам казармы подкатил автобус. Мальчишки и девчонки в белых блузах и ярких пионерских галстуках высыпали из него, построились.

Командир роты и политрук приложили ладони к пилоткам.

— Здравствуйте, товарищи пионеры!

Высокая красивая девушка подошла к командиру:

— Будем знакомы. Старшая пионервожатая школы — Мария Мельникова.

— Добро пожаловать! Вовремя вы, а то ведь скоро мы в летние лагеря, да и ваши, наверное, в городе на лето не останутся. Ну, проходите, друзья. Товарищ политрук, проводите гостей в роту.

...В Ленинской комнате было очень тесно. Здесь собралась почти вся рота. Отсутствовали только дневальные и дежурные по кухне. Для гостей оставили первые три ряда скамеек.

— Смотри, какая красавица, — дернул Арама за рукав Дремов.

Арам посмотрел и встретился глазами с Марией.

Она приветливо улыбнулась ему.

— Э, да ты ей понравился...

— Брось чепуху молоть. Не отвлекай меня. А то выйду на сцену — и забуду стихи.

Сразу после выступления шефов политрук объявил:

— А теперь, товарищи пионеры, выступает заместитель политрука Арам Мирзоян.

Арам, волнуясь, стал читать:

— Словно путник, что подъем опасный
Совершает узкою тропой,
Так и ты однажды, в день ненастный,
Начал путь свой грозный и прекрасный,
Трудный путь, бесстрашный подвиг свой.
И повел тебя к орлиной круче
Этот тяжкий, каменистый путь.
Над тобою извергались тучи,
Снег хлестал в лицо тебе и в грудь.
Сколько раз ты падал, истощенный,
Камни скреб и все-таки опять,
Весь в крови, вставал непобежденный,
Чтобы снова падать и вставать...

Передохнув, он посмотрел в глубину зала и снова встретился взглядом с Марией. И, уже не отрывая от нее глаз, закончил:

Пусть иной окольною тропинкой
Пошлых благ и почестей достиг, —
Ты, как воин в честном поединке,
Отступать и трусить не привык.
Так иди ж бесстрашно, непрестанно
Раз тобою избранным путем!
Пусть кровоточат и ноют раны,
Пусть неодолимо крут подъем,
Пусть чревато гибелью паденье,
Пусть порой сомненье в плен берет, —
Пой упрямо песню восхождения:
Твой удел — идти всегда вперед!

Под аплодисменты он протиснулся к окну и оказался рядом с этой девушкой. Она снова улыбнулась и тихо сказала:

— Хорошие стихи... А кто написал их?

— Чаренц. Наш армянский поэт.

— Вы из Армении? А вот я нигде еще, кроме Ейска, не была.

Так началось их знакомство.

Теперь, получая увольнительные в город, Арам не упускал случая, чтобы зайти к Маше в школу. Она преподавала историю.

Маша умела слушать. И дело не в том, что она не перебивала собеседника. Просто чувствовалось, что ей все это не безразлично.

— Знаешь, с тобой хочется говорить и говорить... От тебя, наверное, ничего не скроешь, — сказал он как-то ей.

— Только говорить со мной хочется? И все?

Арам покраснел.

— Понимаешь, Маша, ты чудесная девушка. И очень красивая. Не спорь. Это факт! Только есть еще то, о чем я тебе никогда не рассказывал... Помнишь, я говорил о Байтарской школе.

— Не надо, Арам. Оказывается, есть и то, что я не хочу слушать... Пойдем завтра в театр. Отпросишься?

— Не знаю, попробую... А какое завтра число?

— Завтра? Воскресенье, 22 июня...

* * *

— Тревога! Рота, в ружье!

Командиры рот и командир батальона стояли против застывших по команде рядов.

— Товарищи бойцы! Сегодня на рассвете части регулярной немецкой армии перешли государственную границу СССР, — голос командира звенел от волнения. — Фашисты без объявления войны напали на нашу Родину. Война, товарищи!

Шорох прошел по сомкнутым солдатским рядам. И словно от этого шороха, полного тревоги, всколыхнулось на миг батальонное знамя на правом фланге.

Мысли сбивались, как недописанные строки письма. «Написать матери... Проститься с Машей...» А голос командира батальона звучал все тверже:

— Отпуска и увольнительные отменяются. Командирам рот подготовить все необходимое к выступлению.

«...Прошу принять меня в ряды Всесоюзной коммунистической партии большевиков. — Арам подумал и дописал: — Хочу сражаться с врагом и, если придется, умереть коммунистом».

Во дворе казармы уже строились батальоны.

Арам аккуратно сложил вдвое листок и протянул политруку. Не читая, тот положил его в полевую сумку. Бросил на ходу:

— Твое — тридцатое сегодня. В дороге будет собрание.

Пронзительный вой сирены оглушил город.

Девушки и парни с противогазами на боку указывали прохожим путь в бомбоубежище.

Мимо торопливо бежали женщины, крепко держа за руку детей, старики с чемоданами и узлами.

Роты маршем шли к вокзалу. Арам смотрел по сторонам, надеясь увидеть Машу. Но трудно было бы увидеть ее в этом потоке людей, в смятении и растерянности искавших убежища от невидимого еще врага.

Эшелон уже отходил от станции, когда небо словно обрушилось на землю. Пикирующие бомбардировщики сбрасывали бомбы и, мерно разворачиваясь в помутневшем от взрывов небе, делали новые заходы на станцию. Багровые языки пожара поднялись над Ейском.

Поезд все набирал скорость, стараясь как можно скорее промчаться сквозь открытое пространство степи, туда, где колея стальных рельсов терялась в густом лесу, обступившем ее с двух сторон.

— Эх, а наши-то где? Что же наши не вылетают, товарищ младший политрук?

— Не знаю, Коля, не знаю... Думаю, они сейчас там, где пожарче.

Поздней ночью эшелон подошел к небольшой станции. Дальше двигаться было нельзя: путь разворочен бомбовыми взрывами. О большом мосте вдали напоминали лишь причудливые опоры, выступавшие из реки, как древние каменные изваяния.

Полк пешим строем двинулся на запад, в район Белой церкви, где по сообщению, уже шли ожесточенные бои. Там занимала оборону 158 стрелковая дивизия, в которой состоял полк.

— Скорее, скорее, товарищи! — торопили бойцов командиры рот. — Дорога каждая минута.

И люди почти бежали, обливаясь потом и тяжело дыша, навстречу зареву у горизонта и гулким раскатам артиллерийской канонады.

Вот уже несколько часов фашисты пытались прорвать оборону полка, захватить удобную высоту, на которую сходу, в рукопашной вырвались бойцы второй роты. Но каждый раз немцы откатывались назад, оставляя в поле убитых и раненых.

Между тем таяло и число защитников высоты. Командир послал связного в батальон сообщить об этом, прося помощи. Тот приполз обратно раненый и, уже теряя сознание, передал:

— Комбат сказал, что полк, вся дивизия в окружении... Приказано пробиваться собственными силами.

Так вот почему с утра артиллерия гремела уже на востоке, в тылу. Значит, это были не наши.

— Товарищ младший политрук! Спросите у бойцов, есть ли добровольцы идти в разведку? Надо узнать расположение огневых точек противника. Найти пути отхода...

— Слушаюсь!

Пригнувшись, Мирзоян стал пробираться вдоль траншеи.

Он вернулся к командиру роты и сказал, что пойдут он — Мирзоян и рядовой Подгорный.

— А если убьют тебя, без комиссара роту оставишь в такой час? — недовольно бросил командир. — Геройство показать хочешь?

— Хочу, товарищ комроты. Солдатам хочу показать. Именно в такой час. Я же политрук. Командир устало взглянул на Арама и, махнув рукой, отвернулся.

Немцы снова шли в атаку. Это была уже десятая атака за день. И когда, не выдержав прицельного огня роты, фашисты снова отступили, комроты облегченно вздохнул:

— Ну, теперь передышка до утра. Ночью они не воюют. Мы их еще не приучили ночью воевать...

Действительно, когда опустился густой вечер, всё притихло вдруг. Только изредка над местностью взлетали немецкие осветительные ракеты, медленно падая на землю. Яркий, слепящий свет на минуту озарял все вокруг, выделяя четкие тени кустов и деревьев.

Арам считал:

— Десять, одиннадцать, двенадцать... Значит так, Вася. Пауза у них между ракетами четыре — пять минут. Сейчас, как потухнет, выскакиваем вдвоем из траншеи и бегом вон до той воронки. И. снова, как погаснет ракета, к кустарнику. Это уже у них под самым носом. Видишь? Держи бинокль... А там посмотрим, что делать дальше.

В ту же секунду, как упала красным угольком на землю немецкая осветительная ракета, две тени метнулись из траншеи и слились с ночной темнотой.

Арам бежал, слыша рядом неровное дыхание друга. Подгорный захватил с собой ручной пулемет, несмотря на протесты Мирзояна.

— А если засекут? У них же автоматы, у всех. Я так дешево им себя не продам. Это штука серьезная, не трехлинейка какая-нибудь. — Он похлопав по не успевшему остыть стволу.

Все шло, как и рассчитывал Арам. Немцы не заметили разведчиков. И они через несколько минут уже замерли в кустах, в тридцати метрах от расположения фашистов.

Если бы не вспышки ракет и чужая немецкая речь, которая здесь слышалась отчетливо, могло показаться, что никакой войны нет вовсе. Теплая украинская ночь полна пьянящих запахов. Редкие звезды мерцают в вышине; они вспыхивают и гаснут, когда быстро летящие на запад облака закрывают их.

Арам смотрит в небо и на мгновение ему кажется, что это движется на врага несметное воинство. Вот уже знакомое клочкотанье раздается в воздухе. То летят на Москву фашистские «юнкеры».

— Можно смело сверять часы, — шепчет Арам. — Всегда в одно и то же время летят, сволочи...

Он взглянул на Василия, закреплявшего на земле пулемет.

— Ну, как мы их узнаем, эти огневые точки? Если высунемся — крышка.

— Давай я отползу в сторону и постреляю немного, — предложил Василий, — они себя сами обнаружат. А ты запоминай.

— Нет. Это не дело. Надо обмануть фрицев. Слушай, ты на сколько метров гранату кинуть можешь?

— Это идея! Как они узнают, откуда она на них свалилась? Вот начнут сажать из всех видов!

Он чуть подался вперед, резко откинул руку, сжимавшую рукоятку гранаты, и, бросив ее, припал к земле.

Взрыв гранаты слился с сотнями других взрывов. За спиной разведчиков по всему полю, вплоть до наших траншей, рвались мины, снаряды, вспахивали землю острые клинья трассирующих пуль. Стало светло, как днем. В небе сразу повисли десятки осветительных ракет.

Хотелось врыться в землю, уйти от этого ада из тысяч смертей, пляшущих рядом.

— Страшно? — шепнул Василий.

— Страшно! Запоминай. Вон гады от мельницы трассирующими бьют. Там у них пулеметы... Минометная батарея прямо перед нами... Запоминай, Вася, запоминай...

Немцы стреляли какие-то считанные секунды. Но разведчикам они показались долгими часами. И когда внезапно вновь наступила тишина, в ушах еще продолжали звучать раскаты стрельбы и взрывов. Немцы стали чаще пускать ракеты. Видимо, они заподозрили что-то неладное.

— Вот что, Вася. Ты сейчас пойдешь к нашим. Доложишь командиру роты обстановку. А я останусь, прикрою тебя.

— Не пойду, товарищ младший политрук. Ты что, Арам, хочешь, чтоб я тебя здесь на смерть оставил? Не пойду!

— Рядовой Подгорный! Выполняйте приказ! Пойми ты — вдвоем не пройти. И одному не пройти, если не отвлечь немцев. От тебя сейчас зависит жизнь всей роты. Если не знать огневых точек фашистов, из окружения не прорваться. Действуй, Вася, — он крепко сжал плечо товарища.

— Сейчас я первый выскочу и отведу огонь. А потом уж ты под шумок дуй к нашим. Ясно?

— Так точно, — тихо сказал Василий. — Держись, Арам. Может, свидимся еще.

— Ну-ну, почему «может»? Обязательно свидимся. Ждите меня к рассвету...

Арам мгновенно отметил для себя путь к одиночному окопу противника, выдвинутому немного вперед. Оттуда во время обстрела бил пулемет. Он поднялся во весь рост и стремительно бросился к окопу, не добежав нескольких метров швырнул туда связку гранат.

Взрыв. Дым и пыль окутывают огневую точку врага. Арам ползком добирается до окопа противника. Плашмя лежат убитые пулеметчики.

Арам резко поворачивает немецкий пулемет, нажимает на спусковой крючок.

— На! На! На!

Но вот все ленты израсходованы. Рядом уже появилось несколько немецких солдат.

— Врете, гады, живым не возьмете, — шепчет Арам и бьет из винтовки.

До своих остается не больше двухсот метров.

— Эх, была — не была! — швырнув в немцев последнюю гранату, Арам подымается и стремительными скачками несется к своим. Оттуда бьют, прикрывая Мирзояна, наши пулеметы. Снова завязывается дуэль между двумя передовыми линиями траншей.

Жгучая боль обжигает плечо. Рукав гимнастерки набухает, становится невероятно тяжелым. Он делает последнее, нечеловеческое усилие, и чьи-то сильные руки подхватывают его, втягивают в траншею. Растворяется, исчезает лицо командира. Сознание покидает Арама...

Прикрой сердце Родины

(часть четвертая)

— Ну вот, политрук, сегодня мы вас выписываем.

Военврач, миловидная полная женщина лет 35 — 40, еще раз внимательно посмотрела на свет рентгеновский снимок.

Арам слушал доктора, но мысли его были далеко.

— Где теперь его часть? Удалось ли роте выйти из окружения?

Арам смутно помнит, что его несли на шинелях, закрепленных к винтовкам, через какой-то лес. Холодные капли дождя падали с потревоженных деревьев. Потом сознание вновь покидало его и глухие толчки носилок начинали превращаться в перестукивание колес воинского эшелона. А за окнами плыли Амассийские горы. Нелли бежала и что-то кричала рядом с вагоном. Он протягивал руки, пытаясь подхватить ее, но поезд набирал скорость и Нелли оставалась вдали, в голубом платье над обрывом... Потом ему казалось, что он сидит в театре. На сцене Маша, она поет. Рядом с ней стоят пионеры в белых блузах и пламенеющих галстуках.

В сознание он пришел только на третий день, после операции. Так сказала военврач. Насчет роты никаких сведений она не имела, а может, просто не хотела говорить.

С тех пор, как Арам попал в армейский госпиталь, прошло уже три месяца. Он с удивлением узнал, что госпиталь находится в Вязьме, совсем недалеко от Москвы. Так отодвинулся фронт на Восток за это время...

Неделю назад его перевели в палату для выздоравливающих. Здесь уже было радио. И раненые целыми днями вслушивались в тревожные сообщения Совинформбюро.

«После ожесточенных боев наши войска оставили город...»

— Оставили, оставили! — скрипел зубами танкист Николай Симанчук.

Его койка стояла рядом. Когда его принесли с операции, где ему ампутировали пальцы ног, он тоже скрипел зубами...

— До какого дьявола мы будем оставлять? Вот ты — политрук, должен знать. Может, нет у нас сил против фашиста? Возьмет он Москву? А?

— Не возьмет! — отвечал Арам, но чувствовал, что не может ничего толкового сказать этому человеку.

И при каждом обходе просил военврача выписать его поскорее, уверял, что уже совсем здоров и может вернуться в строй.

В один из поздних часов, когда раненые слушали очередную сводку Совинформбюро, в палату в сопровождении сестры Анечки, опираясь на костыль, вошел пожилой человек.

— Принимайте новосела! — сказал он густым басом и поставил костыль к свободной койке. — Ну, как дела, молодцы?

— Не мешайте слушать, — отрезал танкист.

— А... Ну-ну, слушай.

Он уселся на одеяло и, достав из кармана халата маленькую книжечку, углубился в чтение.

В репродукторе загремела музыка, и танкист, приподнявшись, повернул ручку до отказа влево.

— Позвольте узнать, что читаете, не по-немецки ли? — не скрывая злорадства, спросил он новичка.

— Точно, по-немецки. Глаз у тебя, вижу, наметанный. Не снайпер, часом?

— Нет, не снайпер. Но вот немецкий язык изучать не собираюсь. «Добро пожаловать» я им говорить по-немецки не намерен. У меня с ними один разговор... Смерть гадам, и все!

— В общем-то ты, конечно, прав, дорогой товарищ. Но вот насчет языка — зря такое настроение. Ведь на этом языке Маркс и Энгельс говорили. Это язык Гейне.

— А теперь Гитлер грозит, что в Москве будет на этом языке приказы издавать, да?

— Вот что, друг, Москвы ему как своих ушей не видать. Его час пробил, когда они на нашу страну напали. Это я тебе говорю, комиссар Ефремов. Я и в гражданскую комиссаром был... А то, что отступать нам пока приходится, дело временное. Внезапность — такой термин в училище, небось, проходил? Вот враг и пользуется пока этой внезапностью. И еще учти — на Германию сейчас вся Европа работает. Только уясни себе одно, дорогой товарищ: нет такой армии в мире, которая могла бы победить целый народ. Да еще такой, как наш.

— А что же немцы, не знали этого?

— У фашистов другой взгляд на вещи. Народ для них — толпа, стадо. Их немецкий народ тоже толпа для них. Только более избранная. Геббельс обещал каждому фрицу землю в России по 40 га и рабов в придачу. Гитлер не сомневался, что уже к осени разобьет Красную Армию. Да не по зубам пришлось...

— А ты, я вижу, с Кавказа, товарищ? — обернулся вдруг комиссар к Араму.

— Политрук Мирзоян. — Арам протянул руку.

— Ефремов. Как ты считаешь, политрук, насчет немецкого языка?

— В школе изучал, товарищ комиссар полка. Но до конца войны, думаю, кроме «фрицхенде хох» — знаний не понадобится.

— Где ранили? — спросил Ефремов.

Арам рассказал о своем первом бое. Комиссар слушал внимательно, не перебивая.

Что-то располагало в этом человеке, хотелось, рассказывая ему о прошлом, еще раз мысленно вернуться к прошедшим дням.

С тех пор они подолгу говорили, полулежа на койках или прогуливаясь по коридору, где стояли сдвинутые к стене пирамиды парт. Госпиталь занимал здание школы.

В один из таких дней комиссар принес пачку центральных газет. Где он их достал — неизвестно. Раненым читать газеты не разрешалось. Военврач объясняла это тем, что, мол, чтение сильно утомляет, мешает выздоровлению. С ней спорили. Но здесь, в госпитале, хозяйном была она — майор медицинской службы. И ей подчинялись даже генералы.

Тем не менее комиссар пришел с газетами в руках и, победно подняв шелестящую пачку над головой, протянул одну из них Араму, а другую — танкисту.

— Неужто докторшу перевоспитали? — покачал головой танкист. — И правильно. Печать — это тоже оружие.

Он углубился в чтение.

— Послушай, Арам, как фамилия той девушки, что ты рассказывал — из Ейска, Мельникова? — спросил танкист через некоторое время, отложив газету и закрыв глаза.

— Да, Мельникова. А что?

— На вот...

Сердце сильно забило в груди Арама. Он почти выхватил газету из рук танкиста.

— Что это? Илья Эренбург. «Дневник Фридриха Шмидта, гестаповца, пойманного партизанами».

— Мария Мельникова... Повешена на площади... Повешена...

Ефремов взял у Арама газету, пробежал глазами.

И стал читать вслух:

— «Как улыбается солнце, как сверкает снег! Сегодня трудный день. Ко мне привели двух девушек. Партизанки. У одной мы нашли комсомольский билет, зашитый в платье. Мария Мельникова. Она просто красotka. Курт выбил ей глаз рукояткой пистолета. Я понимаю Курта. Они молчали, как рыбы... Мы раздели их догола, вывели на площадь Ейска. Странные — эти русские. Низшая раса. Они не боятся смерти, как все цивилизованные

народы. Мария Мельникова, видимо, умалишенная. Ей накинули петлю на шею, а она стала что-то с пафосом говорить. Я думал — большевистская пропаганда. На площадь мы согнали население. Коммунисты любят кричать свои лозунги, когда их вешают. Но полицейский Колмыков перевел мне, что говорила эта Мария. Стихи... Бред какой-то... «Пой упрямо песню восхожденья...» Дальше не помню. Трудно будет прийти этим скотам к порядку...»

— «Я прошу читателей, — писал Эренбург, — внимательно прочитать записи немца. Пусть еще сильнее станет их ненависть к гнусным захватчикам. Эти строки не дадут уснуть ни одному советскому человеку. Он увидят перед собой палача, который ломает рукоятку нагайки о тело русской девушки, он увидит убийцу...

Я прошу читателей, командиров и бойцов Красной Армии прочитать дневник немца Фридриха Шмидта. Ни слова больше.

Только оружием! Только — насмерть! Поклянемся, они не уйдут живыми — ни один, ни один!»

Арам глухо плакал на своей койке. Плакал, презирая свои слезы, но не находя сил остановить их.

Комиссар сел к нему на койку, положил руку на плечо.

Глядя остекленевшими, невидящими глазами в потолок, лежал танкист. Нервно дрожали под одеялом его ноги. Ноги с ампутированными пальцами. Внезапно он поднялся и, надев протезы, от которых еще вчера чуть не потерял сознание, стал ходить взад и вперед по палате. Боль, острая физическая боль исказила его лицо. Но он продолжал ходить, белый, как простыни на койках.

— Ты отомстишь им, сынок, — тихо сказал Ефремов. — Мы за все им отплатим...

Утром комиссар пришел проститься. Его уже выписывали из госпиталя. Арам, не спавший всю ночь, забылся в тревожной дремоте.

— Пусть поспит, — сказал Ефремов.

Он достал из кармана какую-то записку и сунул в руку военврача.

— Когда будете выписывать, передайте ему это...

...И вот на стуле уже висит полученная из кладовой новенькая форма. Рядом залатанные, но начищенные до блеска сапоги.

В кармане гимнастерки комиссарова записка, которую передала доктор.

«Арам! Перед сборным пунктом зайди ко мне. Наше хозяйство на улице Ленина. Дом 15. Увидишь часового, он проводит. Зайди обязательно. Ефремов».

Арам увидел Ефремова в небольшой комнате, добрую половину которой занимал письменный стол. Это был старинный громоздкий стол с гривастыми львами на ножках. Он казался попавшим сюда из какого-то другого мира рядом с пирамидой автоматов у облупленной стены, с плащ-палаткой, висевшей на гвозде. На столе — развернутый командирский планшет и огромная железная кружка.

Арам улыбнулся, глядя на это соседство эпох.

— Что, нравятся мои апартаменты? — спросил Ефремов. — Я вот по какому делу тебя, Мирзоян. Подожди минутку.

Он поднялся, чуть хромая подошел к двери и кого-то позвал. Через минуту в комнату вошел высокий худой майор.

— Здравствуйте, товарищ Мирзоян. Я сразу узнал вас по фотографии.

Арам удивленно посмотрел на комиссара.

— Дело мы твое личное запросили. Вот майор с тобой заочно, так сказать, и познакомился, — пояснил он. — А, что темнить! — резанул он рукой воздух. — В армейской разведке хочешь работать? Это моя идея. Разведчиком быть — что на самом трудном фронте,

ну как бы всегда идти в атаку, понимаешь, всегда под прицельным огнем. Ты сразу не отвечай, подумай.

— Что тут думать, товарищ комиссар полка? Конечно, согласен. А вот не выдержал тогда, когда про Машу узнал, — так это сам не знаю, как получилось...

— Ишь ты, герой. Ты что же думаешь, в разведчики роботы идут одни? Нет, брат, на такую работу смертельную только людей можно брать. Людей, понял? Способных страдать, плакать, ненавидеть. А главное — любить! Очень любить Родину... Записывай, майор, его к Неходе, пусть стажировку пройдет.

И добавил, подмигнув Араму:

— Ты лейтенант, а Нехода только старшина. Но придется тебе забыть на время разницу в званиях. Будешь подчиняться ему с недельку, подучись у него. Это опытный разведчик, бывший пограничник. Потом примешь второй разведвзвод. У них командира вчера убило...

Землянки разведбатальона армии находились в негустом сосновом лесу. Запорошенные снегом деревья изредка вздрагивали от далеких оружейных залпов и ссыпали с ветвей крупные хлопья.

Арама остановили двое солдат в полушубках и валенках, с новенькими «ТТ» на ремнях.

— Пароль?

— Рябина. Мне надо к комбату.

В командирской землянке Арам увидел уже знакомого майора.

— Выходит, я более короткий путь сюда знаю. Чего ты удивляешься? — улыбнулся майор. — Теперь давай познакомимся поближе. Свиридов. Я и есть командир батальона.

Он вызвал ординарца и велел привести старшину Неходу.

— Явился по вашему приказанию, товарищ майор, — докладывал через минуту невысокий солдат с улыбающимся лицом.

— Вот, старшина, тебе новый ученик, лейтенант Арам Мирзоян. Начал войну политруком роты...

— Что ж, биография подходящая. Хлопчик справный, — хохотнул старшина.

— Ты уж не сразу муштруй лейтенанта. Пусть отдохнет, пообвыкнет денек-другой. Паек получил? — обратился он к Мирзояну.

— Так точно. В госпитале.

— Не беспокойтесь, товарищ майор, — вставил Нехода. — Мы знаем, хотя послами не служили. Накормим, устроим...

* * *

Веселый, никогда не унывающий старшина очень понравился Араму. Нехода показывал Араму, как он говорил, «прописную азбуку» разведчика и сдабривал занятия множеством интересных историй из своей жизни.

— Вот идем мы с Ваней Поликарповым «угovarивать» языка. Вышли к деревне, залегли, смотрим. Ванька меня толкает:

— Гляди, фриц жрет.

И действительно, в ста шагах от нас сидит на огороде здоровенный немец. А перед ним полная корзина яиц. Он их колет и пьет. Это он, чтобы с другими своими фрицами не делиться, в сторонке уплетает.

Ваня говорит:

— Давай?

— Подожди, — говорю, — дай человеку пообедать.

А сам вижу, не выдержит фриц, худо ему станет от жадности. Нести своим он не хочет, а выбросить жалко. Давится уже, а жрет. Сейчас, думаю, запотрошит его. Терпеть не могу такие сцены. А Ванька опять:

— Смотри, что делает гад — сапоги яйцами смазывает!

Ну, тут я не выдержал. Выскочил из кустов, одел ему свою каску на башку. А Ваня по каске прикладом.

— А зачем каску-то? — спросил смеясь Арам.

— Как зачем? Мы же «уговаривать» шли, товарищ лейтенант. Без каски он бы дух выпустил. Потом маленько отошел... Комбат сказал: «Язык хороший, разговорчивый».

Однако долго учиться у Неходы не довелось.

Шли тяжелые бои за Вязьму. Немцы рвались к Москве.

Уже на второй день Мирзоян принял командование взводом разведчиков и сразу же получил важное задание — взять языка не ниже унтер-офицерского звания. Командование проверяло предыдущие данные разведки и подполья, чтобы не ошибиться в определении основного удара, который готовили фашисты нанести защитникам Москвы.

Арам решил сам идти в поиск. Вторым он взял сержанта узбека Дурдыева. Бросать на это весь взвод Мирзоян считал нецелесообразным и даже рискованным. Вдвоем было больше шансов выйти в расположение фашистов.

Но случилось так, что до немецких позиций разведчикам пробираться не пришлось. Не успели они немного углубиться в лес, как четко услышали немецкую фразу.

Разведчики застыли на месте, слившись в темноте со стволами деревьев. На тропинке показались двое. Но это были наши солдаты, видимо, из комендантского взвода.

Арам уже хотел выйти, но Дурдыев цепко схватил его за руку.

— Автоматы!.. — шепнул он.

Да, комендантский взвод такого оружия не имел.

Хрустнул снег под сапогами. Двое приближались к деревьям, за которыми притаились, сдерживая дыхание, Арам и Дурдыев.

— Пропусти их. Будем сзади. И вместе. Я первого, — прошептал Арам.

Шаг, еще один шаг... Мирзоян и Дурдыев, как кошки, бросаются на неизвестных. Ударом пистолета Арам быстро оглушил своего противника. Дурдыеву попался человек вдвое шире его в плечах. Завязалась борьба. Арам увидел, как над Дурдыевым блеснуло тусклым светом лезвие финки. Всю тяжесть тела вложил Арам в свой удар. Финка мягко опустилась в снег. Дурдыев, сопя и отплевываясь, сел на снег и тут же ремнями стянул руки неизвестных. Машинально хотел достать кляп.

Арам остановил:

— Ты что? Мы же у своих. Пусть орут.

Он разорвал ворот ватника на груди оглушенного. Френч немецкого обер-лейтенанта блеснул пуговицами в луче карманного фонаря.

— Не отходя от кассы... — подытожил Дурдыев.

— Что, не понял? — переспросил Арам.

— Не отходя от кассы, говорю. Выражение такое есть у Неходы. От своих не отошли, а двух языков взяли.

Через полчаса Арам докладывал комроты о случившемся. Но ни он, ни комбат особой радости не проявили.

— Легко отделались, — сказал комбат. — Подготовьте рапорт о плохом охранении наших позиций. Ничего себе шуточки — немцы в разведбатальон за «языком» пришли.

— А головы все же не уберегли, — вставил комроты.

— Что ж, Мирзоян и Дурдыев не растерялись, это хорошо. Но рапорт ты мне все-таки подготовь.

Утром в землянку взвода пришел полковой комиссар Ефремов.

— Слышал, слышал о твоём приключении. Вот был тут у вашего комбата, дай, думаю, посмотрю на Мирзояна. Как, немецкий учишь?

— Когда же учить, товарищ комиссар полка?
— Время надо найти. Очень надо, Арам. На вот, держи.
И он вывалил на стол немецко-русский словарь и три учебника.
— Считай это заданием командования.

* * *

Фронт приближался к Москве. Все чаще разведбатальон бросали на самые ожесточенные участки и он в составе стрелковой дивизии занимал оборону, отбивая яростные атаки немцев. А в редкие часы затишья разведчики вновь шли в поиск, добывали ценные сведения, приводили «языков».

Арам старался присутствовать на допросах, если позволяло время. Ефремов сам предложил ему это, «для совершенствования знаний немецкого», как он объяснил.

Переводчик Берман тоже старался помочь Араму. И теперь они при встрече разговаривали друг с другом только по-немецки.

Арама подводило произношение. И тогда он придумал маленькую хитрость — стал говорить по-немецки заикаясь.

— Будет фриц заика, ничего удивительного...

Теперь, уходя в поиск, Арам и его товарищи одевали немецкую форму. Это позволяло глубже проникать в расположение врага, охотиться за штабными немецкими офицерами, подробнее узнавать передвижение фашистских танков и пехоты.

В конце октября немцы заторопились. Русская морозная зима начала входить в свои права, грозила фашистам многими новыми трудностями в этой войне, которую Геббельс еще полгода назад расписывал как увеселительную прогулку доблестного Вермахта. Пленные фашисты недоуменно моргали глазами, им не хотелось верить, что их взяли те, о ком уже давно трубили в Германии:

— Красная Армия уничтожена. Лишь жалкая кучка большевиков оказывает последнее сопротивление.

А Красная Армия жила и сражалась, приобретала опыт и, вопреки логике захватчиков, крепла с каждым днем, с каждым часом. Весь огромный народ поднялся на смертельный бой с захватчиками. И пока в недостижимой для немцев Сибири формировались новые ударные армии, пока из ворот Уралмаша и Челябинского тракторного шли колонны новых танков, пока без остановок тянулись к Москве с востока эшелоны с орудиями, минометами, снарядами, — части Красной Армии сдерживали врага на подступах к столице.

...В эту ночь на позиции дивизии враг бросил сотни самолетов. Круг за кругом методично сбрасывали они бомбы и, казалось, сама земля вот-вот расколется на части, провалится в бездну.

Арам лежал на дне траншеи. Весь его взвод и весь батальон словно врылись в землю. На этом участке фашистские летчики чувствовали себя спокойно. Разведбатальон не располагал противовоздушными средствами.

Рядом с Мирзояном, обхватив бронебойное противотанковое ружье, приткнулся к краю траншеи Нехода. И вдруг дерзкая мысль осенила Арама.

— Товарищ старшина, как кончится налет и атака фрицев, найдите мне столбик небольшой, обруч с бочки и проволоку, — крикнул Арам, стараясь перекрыть этот кромешный ад бомбового удара.

— Зачем? — отозвался Нехода.

— Дело одно приду...

Гора земли поднялась совсем рядом с траншеей и обрушила на бойцов тяжелые мокрые комья.

— Фу, черт!

Арам вытер лицо рукавом ватника. Кажется, начинается.

Шум танков, который сначала не был слышен из-за налета и артподготовки врага, теперь, когда, шквал огня углубился в нашу оборону, стал отчетливо различим. Было в этом давящем звуке что-то фатальное, неизбежное, от чего холодела спина и выступала испарина на висках.

— Взвод, к танковой атаке, готовься! — закричал Мирзоян.

— Товарищ комвзвода, убит командир роты.

— Рота, к танковой атаке, готовься!

Сквозь дым и оседающую гарь двигались, тяжело переваливаясь и изрыгая пламя из длинных хоботов, прямо на траншею шесть тупорылых чудовищ. Нехода припал к «ПТ». Арам не услышал выстрела. Головной танк вдруг содрогнулся и застыл на полной скорости, словно наткнувшись на невидимую стену.

Еще выстрел. И еще один танк завертелся на месте. Это уже бил артиллерийский дивизион.

Но остальные машины приближались. Арам сжал в руке две противотанковые гранаты. Вот уже ясно виден черный крест на башне, обведенный белыми линиями. Арам приподнялся над бруствером и метнул гранаты. Они взорвались, не долетев до танка. А он развернулся и пошел, строча из двух пулеметов, прямо на Арама.

— Гранату! Гранату!

В руку кто-то сунул тяжелую связку. Он бросил ее с такой яростью, что взрыв раздался под самой башней. Машина загорелась. Остальные танки, продолжая стрелять, стали пятиться обратно.

В этот день еще дважды шли фашисты в атаку на этом участке и дважды откатывались назад, не сломив стойкость батальона.

Когда наступило затишье, Нехода куда-то исчез и вернулся с ровно обтесанным стволом березы, двумя обручами и мотком кабеля.

— Вот принес, — доложил он, — как просили.

Арам объяснил свой замысел, и вместе они сделали необычное устройство, к которому приладили противотанковое ружье. Получилось нечто вроде зенитного пулемета.

— Ни дать, ни взять — «ПВО», — усмехнулся Нехода.

Но когда над позицией вновь появились «юнкеры», Нехода переменял свое отношение к этому новшеству. Фашисты летели низко, не рассчитывая, что нарвутся на этом участке на зенитную батарею.

Арам медленно переводил ружье по кругу, вслед за одним из «юнкеров», уже не обращая внимания на взрывы бомб. Палец мягко нажал спусковой крючок. И вдруг «юнкер» накренился и, теряя высоту, задергался в небе, оставляя за собой дымный шлейф.

— Попал! — кричал в восторге Арам и целился в другую машину. Выстрел, и еще один фашистский самолет стал падать, объятый пламенем.

...Фронтальная газета пришла в часть на следующий день.

— Смотрите, товарищ командир роты, — обратился к Мирзояну Дурдыев. — Про вас написано.

Арам развернул листок «Красной Армии». На всю страницу надпись:

«Арам Мирзоян — краса и гордость бронейщиков».

Чуть ниже:

«Отважный сын Армении сбил из противотанкового ружья четыре немецких самолета, подбил два танка».

— Ну вот, «краса и гордость» — напишут тоже! И где это, интересно, корреспондент был? Эти корреспонденты так умеют проникнуть всюду, что в разведке незаменимы были бы...

Арам отдал газету Дурдыеву — читать было некогда. Его вызывал командир батальона. В землянке командира батальона сидели Ефремов и незнакомый подполковник.

— Товарищ Мирзоян? Подполковник Иващенко из штаба армии. С завтрашнего дня вы поступаете в непосредственное распоряжение Москвы. Вот документы и пропуск в столицу. Я буду сопровождать вас.

— Слушаюсь, товарищ подполковник. Когда быть готовым?

— В шесть ноль-ноль пришло вестового.

— Роту передашь младшему лейтенанту Бузанову, — сказал комбат. — Ну, давай прощаться.

Он достал из трофейного немецкого ранца флягу и разлил в три кружки.

— Помни: ты солдат, и как солдат должен прикрыть собой сердце Родины, если в него метит враг. Там твой успех будет стоить успеха дивизии.

— Ну, что молчишь? — улыбнулся подполковник. — Комиссар тост произнес, а мне помнится, на востоке на тост отвечают.

— Отвечу... — Арам встал и поставил кружку на стол. — Служу Советскому Союзу!

— Я и не ждал другого ответа, сынок, — поднялся комиссар.

* * *

Так вот ты какая — Москва!.. Арам медленно шагает по утреннему, только что проснувшемуся городу. Впрочем, нет, Москва уже отвыкла от сна. Идут женщины с лопатами — рыть траншеи. Шагают батальоны, громяхают по мостовой пушки, прицепленные к грузовикам.

Окна домов обклеены причудливыми зигзагами бумажных лент. Они похожи на тысячи запретных знаков — нет врагу входа в этот город...

Вчера Арам весь день изучал план предстоящей операции, на которую посылало его командование. Ночевал в нетопленном кабинете подполковника. Завтра — уже в путь. А сегодня получил пропуск на праздничный парад в честь 24-ой годовщины Октября.

У выхода с площади Дзержинского его документы тщательно прочитали двое военных с повязками военного патруля. Потом еще раз — у входа на Красную площадь — часовые.

Суровы лица солдат и народных ополченцев. Пронизывающий ноябрьский ветер словно оседает в бессилии, не способный шелохнуть сомкнутые ряды. Развернуты боевые знамена. Многие из них прострелены, изрешечены осколками.

На трибуне мавзолея — все политбюро ЦК. И это вселяет в людей уверенность в победе, веру в могучие силы страны, в свои силы.

Равняясь на мавзолей Ленина, как бы давая безмолвную клятву перед этим дорогим именем, вписанным на мраморе, идут батальоны и полки. Идут прямо с парада на фронт.

А фронт близко. Даже сюда доносятся его раскаты.

Арам смотрит в небо. Он знает со слов чекистов, что Гитлер бросил в это утро тысячу самолетов на Москву. Ни один из них не прорвался к столице...

* * *

— Высота 800 метров. Под нами — цель. Приготовиться!

В открытый бомбовой люк «Дугласа» дохнула холодная темнота ночи.

Арам махнул рукой летчику и прыгнул в эту черную бездну, у которой, казалось, нигде нет дна. Резко подбросив его, раскрылся купол парашюта. Земля светилась внизу маленьким пылающим треугольником. И Арам стал подтягивать стропы парашюта так, как учил его инструктор всего один раз, за час перед вылетом. Вот ближе, больше стал треугольник. Уже

видно, что это костры. Мелькнула и исчезла в стелящемся вдали луче прожектора серебристая широкая гладь.

Волга...

В чужом мундире

(часть пятая)

В штабе генерала Офмана появился молодой румынский оберлейтенант Григореску. Он предъявил документы, рекомендательные письма и направление от Бухарестской фирмы, выполняющей заказы для немецкой армии — теплые белье.

— Один момент, герр оберлейтенант, — сказал дежурный по штабу дивизии Офмана, откладывая в сторону документы, — маленькая формальность. Не угодно ли пройти со мной?

Он проводил оберлейтенанта в небольшую комнату, освещенную тусклой электрической лампочкой, болтавшейся под потолком на проводе. И вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Румын уселся на единственный стул и, достав из кармана френча сигару, закурил.

Часовой за дверью громко вздохнул. Это, видимо, развеселило оберлейтенанта. Постучав в дверь, он протянул сигару солдату. Тот схватил и спрятал ее с такой быстротой, словно опасался, что румынский офицер передумает. Взглянув на Григореску виноватыми глазами, часовой вновь закрыл дверь. Румын по-прежнему сидел спокойно на стуле и позевывал, разглядывая свои ногти.

Между тем на душе у него было далеко не спокойно. Чем вызвана такая встреча? Может быть, они решили связаться с Бухарестом и проверить его? Что ж, — это, действительно, маленькая формальность. Гораздо хуже, если они приведут кого-нибудь из румынской дивизии. Тогда провал. Глупый провал с первого же шага...

Он взвел предохранитель пистолета, не вынимая руки из кармана. Нет, вряд ли они что-нибудь заподозрили. Иначе — прежде всего обыскали бы, отобрали оружие. Но все же, что может это означать?

Он еще раз скрупулезно повторил про себя сцену в комендатуре штаба. Нет, все было правильно, так, как разработали они с подполковником еще там, на Большой земле.

— Документы у тебя в полном порядке, — говорил подполковник. — Их хозяин находится в наших руках. Он прыгнул с парашютом, когда партизаны сбили самолет, в котором он летел из Бухареста. Так вот, румына этого, твоего двойника, за линию фронта переправили, к нам. Сам понимаешь, это было нелегко. Версия такая: самолет сбит партизанами, ты попал в 385 пехотный полк. Имел дело с начальником интендантской службы Гансом Брауном. Можешь быть спокойным — от этого Ганса, как и от всего полка, остались теперь одни воспоминания. Но больше недели, от силы десяти дней старайся у фашистов не задерживаться. Избегай встреч с румынами. Остальное ты знаешь.

Да, остальное Арам Мирзоян знал. Проникнуть в штаб Офмана, завязать дружбу с его адъютантом майором Штольцем, получить данные о готовящемся генеральном наступлении армии Паулюса на Сталинград, узнать все, что возможно — от направления главного удара и тактического плана фашистов до количества их танков, орудий, минометов.

— Задача у тебя довольно обширная, но не рискуй зря, — напутствовал подполковник. — Узнавай только то, что возможно. Не буду скрывать: цель твоего задания — еще одна проверка данных, которыми мы располагаем. Еще одна. Но, может быть, именно от нее зависит сегодня многое. На третий день и в каждый последующий в двенадцать часов дня будешь подходить к колодцу на западной окраине села. Женщина, обязательно в рыжем платке и с прохудившимся ведром — связная партизанского отряда «Волга». Пароль: «Вода чистая, пить можно?» Отзыв: «Как слеза, господин офицер. Скоро замерзнет. Уже не лето...»

Почему же не идет этот немец? Что насторожило его? Что в конце концов можно требовать от румынского офицера, пусть даже союзника...

Григореску достал новую сигару и, откусив кончик, стал чиркать зажигалкой.

Дверь вдруг широко распахнулась. На пороге стоял уже знакомый дежурный офицер и еще один, приземистый, бритоголовый, с маленькой щеточкой усов над верхней губой.

— Майор Штольц, честь имею!

От неожиданности Арам вздрогнул. Но тут же нашелся, сделал вид, что поперхнулся сигарным дымом.

— Прошу прощения, господин майор. Никак не могу привыкнуть к этим французским сигарам. Не хотите попробовать?

— Нет, не хочу. Следуйте за нами, оберлейтенант.

Арам пошел по длинному коридору следом за офицерами. Шествие замыкал солдат с автоматом на плече.

— Прошу садиться. — Майор указал на кожаное кресло у стола, видимо, оставшееся здесь еще с довоенного времени. — Оставьте нас, герр капитан, — обратился он к дежурному офицеру.

Тот вышел.

— Итак, меня интересует один деликатный вопрос, оберлейтенант. Где вы околачивались целый месяц, хотя самолет из Бухареста летит сюда не больше четырех часов?

— Я уже докладывал дежурному офицеру, господин майор. Самолет был сбит в районе Бобруйска. Я прыгнул с парашютом. И добирался до Волги с 385 пехотным полком. По приказу командира дивизии полк сразу был брошен в бой. Со мной никто не пожелал тогда разобраться. Но сейчас начинаются морозы, господин майор. Фирма моего отца заинтересована в поставках теплого белья германским войскам. Я должен оформить наряды...

— Что сказки мне рассказываете! — закричал Штольц. — Выкладывай все начистоту, иначе я сам позабочусь, и папа в Бухаресте даже не узнает, какой наряд я тебе выпишу.

— Я говорю чистую правду.

Румын смотрел прямо в глаза Штольцу. Ничто не выражало его волнения, ни один мускул на лице не дрогнул. А мозг лихорадочно работал, пытаясь найти объяснение подозрительности Штольца, выработать точную, единственно возможную линию поведения.

Ага, «папа в Бухаресте»... Значит, сомнений в том, что перед ним действительно румынский офицер, у гестаповца нет. Значит, дело в другом. Но в чем же? Надо спокойно выждать. Показать, что уверен в себе, намекнуть на связи в Берлине. Штольц что-то хочет извлечь из этого разговора, пытается запугать.

— С кем вы имели дело в 385 полку?

— С интендантом капитаном Гансом Брауном.

— Напишите подробно объяснение вашего опоздания.

Штольц протянул румыну чистый лист бумаги и авторучку.

Григореску придвинул кресло к углу стола и стремительно заскрипел пером. Штольц нетерпеливо барабанил пальцами по стеклу.

Член национал-социалистической партии с 1933 года Генрих Штольц глубоко презирал румын, как и всех прочих неарийцев.

«Попадись мне эта румынская свинья год назад, когда я работал в гестапо, все дело мы обтяпали бы за пять минут. А теперь нужно еще возиться с ним, запугать, заставить выложить деньги добровольно. Конечно, можно втянуть сюда Фрица. Но тогда придется отдать половину ему...»

Штольц с благоговением вспоминал те времена, когда он служил непосредственно в гестапо. Он очень не хотел идти к этому Офману адъютантом. Но у начальства были на сей

счет свои взгляды: оно старалось посадить своих людей поближе к армейскому командованию, особенно к тем старым генералам, которые не вступили в партию.

— В гестапо ты вернешься, — пообещал Фриц. — Собственно, ты и теперь остаешься нашим сотрудником. Считаю себя на оперативном задании, в служебной командировке.

Но что-то затянулась эта командировка. Фриц, наверно, за этот год положил в банк не одну тысячу марок — там тебе и золотишко арестованных, и конфискации... А здесь сиди себе и охраняй этого старого хрыча.

Вот почему, когда Штольц ознакомился с документами румынского офицера, он сразу обрадовался: нюх гончей подсказывал ему, что тут можно сорвать куш. Весьма кстати оказалась и эта история с. опозданием на целый месяц. Правда, здесь в подозрительном уме Штольца шевельнулась тень сомнения. Что-то больно много случайностей: сбитый самолет, полк, который полностью погиб в бою, — во всяком случае не осталось никого из тех, кто мог знать этого румына.

Но после запроса Бухареста Штольц успокоился. Сходились даже внешние данные.

Теперь надо умело подвести этого румына к мысли, что ему надо выложить деньги, выложить лично ему, Штольцу. Пусть папаша переведет в Гамбург 10 тысяч марок на счет майора — и получит сына в целости и сохранности вместе с нарядами.

— Ну, закончил?

— Так точно, господин майор.

Оберлейтенант подвинул к Штольцу мелко исписанный листок.

— Прошу извинить, если есть грамматические ошибки. Великий немецкий язык стал изучать лишь недавно. У отца есть друг, барон Крабс, член правления «Шталь веркс». Человек большой культуры. Он подарил мне «Майн камф» в день моего рождения. Я поклялся себе, что прочту это гениальное произведение на языке его автора. Хайль Гитлер!

— Хайль!

Штольц вздохнул про себя:

«Э, да с таким болваном, как этот румынишка, надо быть осторожней. Может, все же посоветоваться с Фрицем?»

— Бухарест хороший город, — сказал он мирным тоном, — но мне довелось его увидеть только во время войны. Не мог позволить себе роскошь — путешествовать по свету...

Румын подобострастно улыбнулся и понимающе покачал головой.

— Герр майор! Отец уполномочил меня выразить достойную благодарность тем, кто окажет содействие нашей фирме. Я хочу, чтобы между нами не осталось недомолвок.

Штольц, будто не расслышав, углубился в рапорт Григореску. Несколько минут он беззвучно шевелил губами. Но Арам видел, что немец не читает, взгляд его неподвижно застыл на листе.

— Так... Ну что ж, все правильно. Прошу извинить меня, оберлейтенант, за резкий тон в начале нашей беседы. Кстати, где вы остановились?

— Да пока нигде, господин майор.

— Хорошо. Я подумаю об этом. По-моему, вам лучше поселиться в крестьянской избе. Здесь у них довольно чисто. Эти русские свиньи не так уж по-свински живут.

Он ухмыльнулся, довольный собственным остроумием.

— Блестящий каламбур, господин майор!

* * *

Солдат втащил чемодан оберлейтенанта в просторную, чисто выметенную избу и поставил на стол, обсыпав снегом расписанную шитьем скатерть.

В углу избы сидел на струганой табуретке щуплый маленький старичок. При виде немцев он поднялся.

— Эй, Иван! Ты идешь жить в другое жилье. Здесь будет живет офицер, — сказал солдат.

— Да у меня дочь больная. Как же мы? В сарае печки нет. Господин офицер, помилуйте, Христа ради!

— Я не понимаю, что говорит этот старик, — оберлейтенант снял чемодан со стола и поставил его в угол комнаты, — но мы, думаю, договоримся. Вы свободны.

Солдат козырнул и усталой походкой направился к двери. Из сеней ворвался в комнату холодный воздух.

Дед перекрестился и вздыхая стал собирать в узел какие-то пожитки.

Офицер подошел к нему и взял за локоть:

— Я не есть германский офицер. Я есть оберлейтенант Романа...

— А... Роман? Имя-то вроде наше, русское.

Дед явно обрадовался, чувствуя, что этого немца можно будет упросить не выгонять их с дочерью на улицу.

— Я не есть немецкая армия. Я есть романская армия.

— Румынская! Как же, знаем, слышали про басурманов.

— Что вы сказал?

— Слышал, говорю, про вашу храбрую армию.

— Да, наш зольдат есть самый храбрый. Ты спай в доме, старик. Не есть жить на мороз.

— Покорнейше благодарим, господин офицер. А то дочка у меня нездоровая...

Из угла избы, отгороженного старым выцветшим одеялом, послышался шорох.

— Кто есть, выходи! — потребовал румын и отдернул одеяло.

На низком топчане сидела, поджав ноги, худенькая девочка лет четырнадцати. Она взглянула на офицера с такой открытой, жуткой ненавистью, что он поспешил опустить своеобразную занавеску и отошел в сторону. В этом взгляде не было страха. Только ненависть. Беспощадная ненависть.

Сняв шинель и усевшись у стола, он вновь обратился к деду:

— Твоя дочка маленький. Ты есть совсем молодец. А где ваш матушка?

— Умерла, господин офицера

Старик снова перекрестился и, накинув на плечи зипун, заковылял в сени.

Арам еще раз оглядел избу. Он никогда раньше не бывал в русском крестьянском доме. И все же повеяло чем-то очень близким, родным. Хотелось подойти и сказать этой худенькой девочке с глазами взрослого человека:

— Я никакой не румын. Я наш, советский. Сейчас я пришел сюда тайно. Но наступит день, и мы прогоним фашистов с нашей земли. Ты снова будешь ходить в школу, смеяться, носить пионерский галстук.

Но разве мог он сделать это! Надо сдержаться, найти в себе силы, чтобы выполнить до конца роль румынского офицера. Хотя бы ради этой девочки и старика. Они не узнают правды о нем. Он навсегда останется для них ненавистным захватчиком, интервентом. Ну что ж, пусть так...

Арам смотрит в заснеженное окно, и ему кажется, что узоры, которые расписал на стекле мороз, приобретают четкие и знакомые очертания родных Амассийских гор. Как живут там мать, братья, сестренка? Им, наверное, тоже нелегко. Идет битва, в которой не может быть безучастных. Резко обозначена линия фронта. Но не та, что меняется с движением армии. А та, что пролегла в сердце каждого человека.

И сейчас, в стане врага, Арам не чувствует себя одиноким. Рядом эта девочка, ненавидящая фашистов, рядом партизаны, к которым он пойдет на связь послезавтра. Рядом, совсем рядом его родная Армения. Почему-то пришли в голову строки Аветика Исаакяна: «И ты — голубая, хрустальная святость большой путеводной звезды...»

* * *

Весь следующий день румынский офицер провел в штабе Офмана. Штольц выделил ему в помощники пожилого ефрейтора, бывшего бухгалтера. И они вдвоем высчитывали количество необходимого белья, готовили наряды, заполняли бланки заказов.

В чемодане оберлейтенанта Григореску была целая кипа необходимых бумаг и печать фирмы — знак высшего доверия отца.

Ефрейтор работал очень добросовестно, видимо, радуясь, что ему удалось хотя бы на денек вырваться из батальона и пересидеть в штабе. В такой заварухе, как под Сталинградом, даже один день не на передовой кажется большой благодатью.

— У меня четверо детей, господин оберлейтенант. Я вам очень благодарен и майору Штольцу тоже...

Несколько раз наведывался сам майор. Он пригласил Григореску отужинать вместе с ним в его кабинете, «разделить по-братски солдатский паек». И еще — для оберлейтенанта радостная новость: в 23 часа будет связь с Бухарестом, можно поговорить с отцом.

Этого Арам не учел. Штольц торопится получить гарантии, намекает на необходимость расплатиться. Но разговор по радиотелефону с румыном, тем более с таким, который сейчас считается его отцом, не предвещает Араму ничего хорошего.

Тем не менее он принял приглашение, всем своим видом показывая, что ему льстит такое внимание немецкого майора.

Они договорились, что Григореску зайдет к Штольцу сразу, как только закончит дела, примерно часа через два.

За это время надо что-то решить. Первоначальный план, рассчитанный на сближение со Штольцем, рушится. Стяжательство майора оказалось большим, чем этим можно было бы воспользоваться. Он хочет немедленных гарантий, хочет сам услышать заверения отца Григореску.

Что же предпринять? Сказаться больным и не явиться к Штольцу — нереально. Он сразу что-нибудь заподозрит. Скорее всего подумает, что его пытаются провести с деньгами. Но это не менее опасно, чем все остальное, если имеешь дело с таким мерзавцем.

Может, испортить телефон? Но какой? У Штольца три аппарата. Испортить все три — тоже сразу вызвать подозрение. И потом нет никакой гарантии, что майор заказал разговор по своему номеру.

Выход один — убрать Штольца. Но это значит лишиться себя такой помощи при выполнении задачи. Удастся ли без него проникнуть в кабинет Офмана, узнать, где хранятся документы?

Жаль, что связь с отрядом будет только завтра. Еще одна оплошность: как могли и они с полковником, и партизаны, которые встречали самолет, упустить такой важный момент — а вдруг понадобится выйти на связь раньше намеченного времени?

Что ж, придется решиться на самые крайние меры, избрать самый рискованный путь.

— Господин ефрейтор, я должен уйти. Заканчивайте дела и возвращайтесь в свою часть. Если меня будет спрашивать майор Штольц, скажите, что буду у него, как договорились.

* * *

Штольц закупорил и спрятал обратно в стол бутылку коньяка, которую приготовил, чтобы отметить с оберлейтенантом столь приятное знакомство.

Связисты сообщили, что с Бухарестом раньше, чем через два-три дня, соединиться не удастся. Где-то выведен из строя кабель. Вот если господину майору нужен Киев — пожалуйста. Связь есть. Что поделаешь — война!

Штольц сидел мрачный и злой. На кой черт ему нужен этот паршивый румын! Сейчас, конечно, явится. Надо будет отговориться — занят, срочные дела.

«Да, пусть пока напишет отцу. Все равно я его отсюда не выпущу, пока из Гамбурга не придет подтверждение, что деньги переведены по счету. Какой неудачный сегодня день! Одни неприятности кругом».

У генерала было оперативное совещание. Дивизия, оказывается, уже потеряла треть своего состава, а продвинулась только на полкилометра. Полкилометра за полгода. Да, это не Франция, где Штольц до самого Парижа даже не успел выйти из автомобиля...

Вошел Григореску. Штольца удивило выражение его лица. Оно уже не было подобострастным, как утром. Да и вошел он, даже не постучав.

«Этот нахал уже решил, что мы с ним равные, — подумал Штольц. — Вообразил себе черт знает что, раз чистокровный ариец пригласил его поужинать».

Но он сдержался и сказал, прежде чем Григореску приблизился к столу:

— Должен вас разочаровать, оберлейтенант. С Бухарестом нет связи. И завтра тоже не будет.

Едва заметная тень пробежала по лицу оберлейтенанта.

— Может быть, все-таки можно что-нибудь сделать, господин майор? Я так надеялся поговорить с отцом...

— Увы, мой друг. Я бессилен помочь. Когда мне говорят, что нет связи, значит ее действительно нет, даже для самого Паулюса. Кстати, оберлейтенант, нам придется отложить дружеский ужин. Срочное задание генерала. А вам я советую отдохнуть. Честь имею до завтра, герр оберлейтенант.

Арам вышел из штаба и тут только почувствовал, какое нечеловеческое напряжение выдержал он только что. Заговори Штольц секундой позже, и Арам уже направил бы на него дуло пистолета. Буквально на какое-то мгновение задержал он руку в кармане, и все повернулось иначе. Еще одно доказательство, что здесь нужна выдержка, железная выдержка, полнейшая концентрация воли.

Теперь поздно вечером он попробует проникнуть в штаб. Это будет не столь сложно:

— Иду к господину Штольцу.

Да, он зайдет к Штольцу, принесет ему чек на крупную сумму, поставит на этом чеке печать фирмы. Но прежде он «перепутает» кабинеты.

Днем он не заметил, чтобы кабинет Офмана охранялся отдельно. Но, может быть, генерал ночует в кабинете? Страшно не хватает времени, чтобы все узнать как следует, чтобы все подготовить наверняка. Нужно спешить. Вдруг только на несколько часов нарушена связь. Ведь Штольц даже ночью прилетит за ним, если дадут Бухарест.

* * *

В избе было темно, и Григореску зажег яркий фонарик. В его луче он заметил, что старик и девочка не спят, смотрят на него с печки.

Не раздеваясь, даже не снимая шинели, он прилег на кровать. С печки донесся шепот:

— Вот невежа, басурман, прямо в одежи в кровать, тьфу!

— Тише, дедушка!

Арам улыбнулся: «Дедушка». Конечно, дед и внучка, а не отец с дочерью — он сразу понял это. Наверное, отец и мать в Красной Армии. Вот старик и говорит на всякий случай, что это его дочка...

Таинственно светится перед глазами циферблат наручных часов.

Наконец стрелки коснулись цифры 12. На печке уснули.

Арам поднялся с кровати и на цыпочках вышел из избы, мягко, без скрипа закрыв за собой дверь. Конечно, удобней было бы начать операцию под утро, перед рассветом или

по крайней мере попозже. Но тогда нельзя будет оправдать визит к Штольцу. Это сразу насторожит его. Гораздо естественней — поздно вечером.

Часовой козырнул ему у входа, даже не спросив пропуск. Его здесь уже знали...

Арам поднялся по лестнице на второй этаж. В длинном темном коридоре — никого. Но в конце из щели под дверью кабинета Офмана пробивается свет. Полукоткрыта и дверь Штольца рядом.

Арам услышал, как майор что-то пробормотал во сне. Надо быть осторожней. Предательская акустика в этом доме... Он сделал шаг вперед и внезапно, скорее инстинктивно прижался к стене. Генерал Офман в валенках и шинели, накинутой прямо на рубаху, прошагал мимо.

Вот повезло! Арам бесшумно метнулся к кабинету. Под светом настольной лампы во весь стол лежала оперативная карта. Как раз то, о чем подполковник говорил как о самом лучшем результате из всего возможного. Придвинув лампу и достав миниатюрный фотоаппарат, Арам несколько раз щелкнул затвором. На диване он заметил большой желтый портфель. Размышлять не было времени. Арам схватил портфель, быстро скользнул из кабинета и вошел к Штольцу.

По коридору снова прошаркали генеральские валенки.

Штолец спал, укрывшись с головой одеялом. Торчали только толстые белые пятки.

Нужно принять новое решение. Штольца нельзя будить. Генерал может хватиться портфеля и поднять шум. Видимо, это была ошибка — брать портфель. Но вдруг в нем что-нибудь ценное? Нет, рискнуть стоило. Теперь надо выбраться и уничтожить часового. Тогда подозрение не падет на него. Ведь румынский офицер мог пройти в штаб и не нападая на часового...

Он достал складной нож и мягкими прыжками бросился к выходу.

Часовой повернулся, услышав шаги, и узнав обер-лейтенанта, вновь козырнул. Румын улыбнулся и вдруг в стремительном броске подмял под себя солдата, со всей силой несколько раз вонзил нож. Часовой даже не вскрикнул.

Поднявшись, Арам огляделся. Только бы никого не встретить!

Через десять минут он уже растянулся в той же позе на кровати, как видели его старик и девочка. В сенях, на дне огромной пустой бочки, лежал прикрытый тряпьем желтый портфель генерала Офмана.

* * *

Утром Григореску разбудили крики. По всей деревне метались солдаты с автоматами и выгоняли на улицу жителей.

У штаба Григореску увидел майора Штольца. Тот направлялся к «оппелю», в котором уже сидел рядом с шофером генерал.

«Значит, не зря я рискнул. Забежали фрицы», — подумал с радостью Арам.

Облава, которую произвели фашисты, не дала никаких результатов. Заместитель Офмана, долговязый полковник, объявил, что в два часа дня состоится публичная казнь десяти заложников. Румынский оберлейтенант спросил одного из штабных офицеров, кто эти заложники.

— Первые попавшиеся, — ответил тот, — в основном старики и мальчишки. Мужчин здесь нет. Все Иваны — на фронте или в партизанах. Но и эти в душе партизаны. Ненавидят нас.

«А за что им тебя любить, гад?» — подумал Арам и сказал: — Да, они не способны понять великие идеалы фюрера.

К двенадцати часам он оказался на западной окраине села, неподалеку от полуразвалившегося сруба колодца.

К колодцу шла девочка, в доме которой он жил. Она была обвязана огромным рыжим платком и несла в руке старое, выдавшее виды ведро.

Увидев своего постояльца, девочка остановилась и, сделав вид, будто что-то забыла, пошла обратно.

Сомнений не оставалось. Арам догнал ее и, едва сдерживая волнение, сказал:

— Вода чистая, пить можно?

Казалось, она даже не расслышала этих слов. Арам повторил пароль. Но она не отвечала и торопливо шла к дому. Это было непостижимо. Такая осторожность, такая высокая ответственность у этой девочки, почти ребенка.

— Если ты мне не веришь, — сказал он, — я сниму сапог, как придем домой, и покажу тебе мой комсомольский билет. Тогда поверишь, ну? Ты не смотри, что я по-русски с акцентом говорю. Я ведь армянин.

Она в первый раз взглянула на него дружелюбно и улыбнулась. Они вошли в избу. Старик настороженно поднялся с лавки, когда увидел внуку с румыном.

— Здравствуйте, — Арам протянул руку. — Я прошу вас немедленно проводить меня к командиру «Волги».

— Покажите билет, — сказала девочка.

— Он пароль сказал точно, Машенька? — спросил дед.

Она кивнула.

— Сейчас некогда, Машенька-джан. Он у меня в подкладке сапога зашит. Партбилет-то пришлось сдать, как пошел на задание. А комсомольский скрыл от начальства. Да ведите же меня, товарищи дорогие. Ну, вот вам доказательство — Сергей Николаевич, так командира отряда зовут? Высокий такой, с бородой. Курит без конца... Он же меня встречал, когда я прыгнул с парашютом. Ну, поведете? А то я сам пойду, буду искать.

— Ясно, — сказал старик. — Отведи его, внука, к командиру. Доброго пути, товарищ.

И он крепко для своего возраста пожал Араму руку.

Они вышли из дома и через заснеженные поля направились к лесу. Девочка шла впереди, а Арам сзади, направив на нее автомат. Это придумал дед. Деревня охранялась двумя отборными батальонами. Ведь здесь находился штаб дивизии. И пройти днем к лесу на виду у фашистов было бы невозможно. А так — мало ли за что решил господин офицер расстрелять девчонку. Тем более сегодня, когда была облава.

Под залатанным, просторным, не по росту ватнике у Маши был привязан к груди портфель. Аппарат с пленкой засунули под заплату Машиного ватника.

Вот уже рукой подать до опушки.

— Хальт! Извините, герр... — фашист не успел договорить.

Маша инстинктивно бросилась к лесу.

«Эх, что ж ты! — с горечью подумал Арам. — Не надо было бежать. Они бы пропустили нас, думая, что я хочу тебя расстрелять лично».

Солдат приложил к плечу винтовку и стал целиться в убегающую девочку.

Арам поднял вверх его винтовку. Подошел офицер.

— В чем дело? Ваши документы, оберлейтенант.

Солдат вновь приложил винтовку к плечу.

Другого выхода не было. Арам отскочил в сторону и сразил быстрой как молния очередью обоих фашистов.

— Беги, Маша, беги скорее! — успел крикнуть он.

К нему уже устремились десятки немцев, стреляя на ходу. Арам лег на землю и стал отстреливаться.

Три фашиста бросились к лесу, стараясь настичь девочку. Меткими одиночными выстрелами Арам уложил всех троих.

Вот скрылся за деревьями неуклюжий Машин ватник.

Арам продолжал стрелять. Но немцы не отвечали огнем. Он услышал команду: «Взять живьем».

Уже отрезан путь в лес. Фашисты заползли с тыла. Зато подняться никто из них не осмеливается. А это значит, Маша ушла от них, унесла партизанам портфель и пленку.

И вдруг Арам перестает ощущать привычные толчки приклада. Он до боли в пальце нажимает на спусковой крючок, но автомат молчит.

Только спустя несколько секунд до создания доходит: все, сломался диск. Нет патронов.

Арам швырнул автомат в сторону, рванул шинель — брызнули в стороны блестящие пуговицы.

В пистолете семь пуль. Значит, в них — только шесть. «Ошибиться нельзя», — подумал он с каким-то удивительным, неожиданным спокойствием.

Теперь он стоял во весь рост посреди снежного поля. Вокруг шагах в двадцати лежали фашисты, прижимаясь к трупам своих, стараясь спрятаться за ними.

Но встав, Арам совершил ошибку.

Внезапно сразу с четырех сторон к нему бросилось несколько солдат. И в это мгновение он забыл о седьмом патроне, в упор расстреливая подбегавших.

Вот совсем рядом, не добежав до Арама двух шагов, рухнул фашист.

В ту же секунду откуда-то сбоку на голову обрушился тяжелый удар. Густая морская пелена поплыла перед глазами.

Казалось, он стоит, как стоял, а земля поднялась и прижала его к себе, царапая лицо и руки застывшей коркой.

* * *

Он очнулся и тут же почувствовал острую, нарастающую боль в ладонях. Руки были естественно вывернуты за спиной и туго связаны тонкой, холодной проволокой. Страшно хотелось пить. Он облизал сухим языком губы, пытаясь достать капли, стекавшие по лицу. У них оказался соленый, знакомый привкус. Понял — кровь.

Его подняли, но стоять он не мог, и его опустили на стул. Постепенно очертания комнаты, расплывчатые и подвижные, становились яснее.

Арам узнал кабинет Штольца. И самого Штольца, сидящего за столом. Генерал Офман был здесь же. Он сидел в кресле, нетерпеливо наблюдая за Арамом.

— Партизан?! Комиссар?! — крикнул Штолец. — Или будешь отрицать, негодяй, что по-русски кричал этой девчонке: «Беги!»

— Где портфель? Пусть прежде всего скажет, где портфель. Остальное будете выжимать из него не в моем присутствии.

— Где портфель? Говори, ну! — заорал Штолец.

Арам усмехнулся разбитыми губами.

— Не знаю, господин Штолец. Я не слышал ни о каком портфеле. Ваши солдаты хотели пристрелить мою девочку, а я был пьян.

— Хорошо. Сейчас ты у меня заговоришь по-другому. По-румынски не хочешь, а?

Высокий румын с равнодушным, ничего не выражающим лицом сказал что-то, обращаясь к Араму. Теперь пытаться закрепить за собой роль румынского оберлейтенанта было бесполезно. Арам ничего не ответил.

Штолец сидел багровый от злобы. Пожалуй, больше чем пропавший портфель и трупы четырнадцати солдат за деревней, его терзало то, что лопнули его надежды. Так провести его, Штольца!

«Ну подожди, я вытяну из тебя все жилы...»

— Так скажешь, где портфель, собака?

— Скажу. — Радостное упоение своей силой над врагами, связанного и избитого, но победившего, — вдруг овладело Арамом. — Он в надежных руках. У советского командования!

Штольц медленно поднялся из-за стола. Взяв из рук солдата штык и чиркнув зажигалкой, стал нагревать кончик лезвия.

— Я тебе твою родную красную звезду на спине вырежу!

И, подскочив к Араму, он вонзил нож в плечо. Один из офицеров пошел в угол, зажимая рот рукой. Его стошнило. Арам даже не вскрикнул. Сознание опять покидало его. Последним ощущением были теплые капли, стекавшие по спине в сапог.

«Комсомольский билет!.. — мелькнула мысль. — Только бы сапоги не разрезали...»

* * *

Арам лежал на каменном полу подвала. Узкое окно почти у самого потолка было похоже на амбразуру дота. Нечего и помышлять о том, что через него можно выбраться.

Бледное пятно света, падавшее на противоположную стену, пересекало тень решетки.

Сколько минут или часов прошло, он не знал. Но, судя по тому, что в камере, и без того сумрачной, быстро сгущалась темнота, понял, что наступает вечер. Попробовал подняться. Движение отозвалось такой болью, будто к спине приложили раскаленный утюг. Но он еще и еще раз пробовал подняться, привстать на локте, и про себя отметил, что все-таки не потерял сознания, что эту боль можно терпеть.

Странное дело, он не мог думать о смерти, о том, что его завтра обязательно расстреляют или просто замучают. Эта мысль все время ускользала, уступая место другой.

Невольно он вновь и вновь рисовал себе картину в партизанском отряде, в Москве. Вот подполковник вскрывает документы, присланные Арамом, и улыбаясь говорит:

— Молодец Мирзоян!

Видимо, как в каждом человеке, в его душе где-то искрился и огонек тщеславия.

А в партизанском отряде думали вовсе не о том, как смело и хитро околпачил он фашистов, а о том, как его выручить из беды. Напасть на фашистский штаб, который охранялся столь усиленно и мог в любую минуту подтянуть стоявшие неподалеку части дивизии, — было неслыханной дерзостью, невероятным риском. И командир отряда вряд ли взял бы на себя эту ответственность, если бы коммунисты и комсомольцы не приняли решения: разрешить добровольцам попробовать освободить советского разведчика, спасти его от смерти. Расчет строился как раз на том, что фашисты чувствуют себя уж очень уверенно в этом селе. А партизаны до сих пор не нападали на гарнизоны, атакуя только обозы и взрывая поезда.

Добровольцев оказалось много — весь отряд. Но решили, что в ночном налете на деревню будут участвовать только двадцать самых опытных. Вся наличная взрывчатка была передана в их распоряжение. И единственный в отряде миномет — тоже.

Арам неожиданно почувствовал, что каменный пол под ним содрогнулся. С потолка посыпалась штукатурка, и звякнуло разбитое стекло. Он не слышал первого взрыва, и только, когда вновь грохнуло что-то над головой и раздались автоматные очереди, понял, что наверняка идет бой. Превозмогая боль, он подполз к двери.

«Неужели началось? — радостно забилося сердце. — Скорее, ребята!»

Ему не приходило и в голову, что именно ради него шла сейчас на подвиг группа партизан. Ему, который сам только что совершил подвиг, просто не приходило в голову.

Дверь открылась с лязгом, заглушившим на секунду крики и стрельбу.

— Здесь он, товарищи. Петька, давай сюда!

В бешеном ритме слились все последующие события. Арама подхватили на руки, быстро пронесли по коридору, заполненному едким пороховым дымом, втиснули в какую-то машину. Подпрыгивая на неровной дороге, она рванулась к лесу. Сквозь выбитое заднее стекло бил, не умолкая, ручной пулемет.

Сказать или спросить что-нибудь у него не было сил. А в деревне еще натужно выли автоматы и ухали взрывы партизанских мин.

Пять дней лежал Арам в маленькой, натопленной до жары, лесной землянке. Потом его переправили в действующую армию, занимавшую оборону у самой реки, у сожженного дотла поселка. На Большую землю уже не было пути. Последний самолет повез в почте такой рапорт:

«На ваш № 01238.

Считаю, что тов. Мирзоян Арам Шамирович за героизм и мужество, проявленные в боях, достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Начальник политотдела Панкратовской дивизии

полковник БЕЛЯЕВ»

Перед огненным валом

(часть шестая)

Солнца почти не было видно. Тяжелые тучи дыма поднимались от земли и медленно плыли над развалинами домов, над исковерканными мостовыми, над свинцовой пеленой Волги.

Наступали первые дни ноября 1942 года.

Вот уже многие дни и ночи не прерывалась ни на час, ни на минуту атака фашистов на город.

Вот уже многие дни и ночи дивизия, которой вряд ли теперь хватило бы, чтобы полностью укомплектовать даже два батальона, отражала эту непрерывную атаку на «Дикую Балку».

Арам лежал, прижавшись к брустверу траншеи, и перезаряжал свой ручной пулемет. Несколько его товарищей — все, что осталось от роты, которую он принял сто двадцать дней назад, находились справа и слева от него.

Арам посмотрел на Кириллова, что приткнулся в неудобной позе к бронебойке, окликнул его и, получив ответ, облегченно вздохнул.

«Наверное, если останемся живы, — подумал он, — нам придется снова учиться ходить во весь рост и сидеть прямо...»

Снова поползли на высоту, которую занимала рота, темные фигурки немцев. Издали они походили на больших тараканов. Казалось, надо подняться и раздавить их, и это совсем просто. Но так только казалось. Снаряды и мины, вновь обрушившиеся на позиции дивизии, свидетельствовали о другом.

Только в штабе 62 армии могли полностью оценить героизм защитников города. Никакая стратегия, никакая история армий и войн не знала ничего подобного. Превосходство противника в людях было десятикратное, в танках — двенадцатикратное; фашистская авиация безраздельно господствовала над полем боя, а артиллерия и минометы вели огонь с рассвета до темной ночи и опять до рассвета... Выдержать такой натиск, такое превосходство врага по логике вещей было невероятным. Но выше всяких законов логики оказалось мужество советских солдат и офицеров. Страна была уверена в них, поклявшихся не пропустить немцев к Волге. Страна готовила силы для ответного удара.

И в тот час, когда Арам Мирзоян бил короткими очередями по наступающим на «Дикую Балку» фашистам, в Ставке был утвержден план контрнаступления, идея которого родилась здесь, в самый разгар оборонительных боев.

Арам распахнул ватник. Несмотря на мороз ему было жарко. Фашисты вновь отпрянули от высоты. Надолго ли?

— Пересчитайся — крикнул он дважды вправо и влево.

— Здесь!

— Живой...

— Я, товарищ командир! — пошло по цепи.

На этот раз убитых не было, только двое раненых. Иван Пилинчук — тяжело, в живот. Обычно раненых привязывали к доскам и бревнам, пускали вниз по течению — может, доплывут до своих. Но на этот раз не успели. Немцы снова пошли в атаку. Теперь впереди фашистов ползли два танка и самоходка, на ходу дергаясь от выстрелов и выбрасывая из хоботов короткие языки пламени.

— Стрелять по пехоте, отсекать гадов от танков! — крикнул Арам. — Кириллов, у тебя в порядке?

— Так точно, товарищ коман...

Снаряд разорвался совсем рядом, и жесткие комья земли хлестнули по каске Арама.
— Кириллов!

Солдат не откликнулся. Арам подполз к нему. Отвернувшись, чтобы не смотреть на превращенное в кровавое месиво тело товарища, вытянул из-под него противотанковое ружье. Прицелился, стараясь преодолеть предательскую дрожь в руках. Самоходка резко развернулась и застыла на месте. Из люка выскочили двое немцев в шлемах, и тут же по ним хлестнула пулеметная очередь.

«Молодец Муругов!» — подумал Арам и вдруг увидел, как из траншеи, поднявшись в рост и зажимая пилоткой рану в животе, двинулся прямо на фашистский танк Иван Пилинчук.

Арам весь сжался от этого зрелища. Пулеметы вражеских танков повернули свои огненные трассы в сторону Ивана. Но каким-то чудом, спотыкаясь и на мгновения останавливаясь, он продолжал идти. Он не падал! Казалось, человек вдруг обрел бессмертие или пули разбиваются о какой-то невидимый панцирь вокруг него. Это продолжалось лишь считанные секунды. Видимо, у фашиста в первом танке не выдержали нервы. Иван протянул руку вперед, и мощный взрыв скрыл и танк и его самого в клубах черного дыма.

Третий танк остановился и стал пятиться назад, прикрывая огнем уже в пятнадцатый раз отступающих за эти сутки фашистов.

* * *

— Какое сегодня число? — спросил Арам сержанта Петрова, когда во время короткой паузы они разделили аккуратно пополам последнюю горку сухарей.

Теперь их оставалось здесь только двое. Они могли бы, пользуясь ночной темнотой, покинуть позицию и уйти подальше от этой чертовой балки, которая не сулила ничего, кроме смерти, как только немцы снова пойдут в атаку. Но если бы даже на мгновение пришла мысль об этом, каждый из них отбросил бы ее с отвращением.

Для себя Арам твердо решил, что умрет на этой высоте, но не сделает назад ни одного шага.

«Бессмысленна ли будет моя смерть? — думал он. — Конечно, нет! Я успею убить еще несколько гитлеровцев. Значит, эти несколько не пройдут к Волге, не пройдут и к Армении, значит, у других будет больше возможностей защитить, отстоять страну и мой дом тоже...»

— Какое сегодня число?

— Сегодня? Девятнадцатое ноября. Давай простимся, Арам, а?

Арам крепко пожал руку сержанту.

— Ну, скорее бы шли, гады, что ли! — сказал сержант. — Ждать больно противно.

И вдруг Арам почувствовал, что земля будто заходила ходуном. Огненные линии ракетных снарядов пронеслись над головой. Но то били не фашисты. Это били по самим фашистам откуда-то из-за Волги и с левого фланга. Такого грохота Араму еще не приходилось слышать.

Петров вскочил и, размахивая руками, закричал:

— Наши! Наши! Арам! Это же наши бьют!

Арам почти не слышал слов, только угадывал их каким-то неведомым чувством. Наверное, и он сам кричал сейчас то же самое.

Это было началом грандиозного наступления Советской Армии на Волге. Тысячи орудий обрушили на врага смертельный шквал. А вслед за этим танковые корпуса Юго-Западного и Донского фронтов сжали в свои броневые тиски всю огромную группировку Паулюса. Наступила развязка битвы за Волгу; начался на рассвете 19 ноября 1942 года закат гитлеровской армии...

Только в ходе первых дней контрнаступления было полностью разгромлено 50 вражеских дивизий.

Вот что писал командующий героической 62-ой армией генерал Чуйков:

«Характерно, что советское контрнаступление было начато при отсутствии решающего общего превосходства над противником. Советское командование проявило подлинное искусство, сумев исключительно правильно определить направления главных ударов фронтов и достигнуть путем перегруппировки сил двух-трехкратного превосходства на этих направлениях. Не меньшее искусство было проявлено и в выборе момента начала контрнаступления. Оно началось в то время, когда противник хотя и перешел к обороне, но еще не успел создать ни оборонительной группировки, ни достаточно прочных укреплений.

Поражение, которое потерпела немецко-фашистская армия в широких приволжских степях, не имело прецедента во всей многовековой истории военного искусства. Советские полководцы сумели показать действительно классический образец операции на окружение и полное уничтожение крупной, в изобилии оснащенной современной военной техникой группировки врага в условиях войны машинного периода.

Поражение немецко-фашистских захватчиков на Волге было столь велико, что Гитлеру на совещании в своей ставке 1 февраля 1943 года пришлось заявить: «...Я могу сказать одно: возможность окончания войны на востоке посредством наступления более не существует. Это мы должны ясно представлять себе».

Арам Мирзоян и его товарищи только много дней спустя узнали обо всем этом. А тогда они сражались, просто сражались за то, что было им бесконечно дорого, что составляло весь смысл их жизни и во имя чего стоило умереть...

* * *

— А здорово фрица погнали, товарищ капитан! Как вы думаете, не повернет он опять? Может, заманивает просто? — молоденький солдат смотрел на Арама серьезными недоверчивыми глазами.

Он подумал о своих товарищах, о тех, что дрались вместе с ними у «Дикой Балки». Они бы, наверное, не задавали таких наивных вопросов. Они познали и силу врага, и свою силу. И многим из них не пришлось увидеть эту первую победу, в которой они ни чуточки не сомневались даже тогда, когда осознали, что не увидят ее сами. Но этих молодых ребят, только что прибывших в армию и знавших, что немцы за несколько месяцев подошли вплотную к самому сердцу страны, тоже надо было заставить поверить в победу, в свою возможность добыть победу. Арам чувствовал, что прописных истин говорить сейчас недостаточно, что нужно сказать что-то другое.

— Знаете что, орлы? Вот возьмем ту деревушку, проведем политбеседу. Вопрос товарищ боец задал дельный.

«Та деревушка» лежала в полукилометре от позиций роты и находилась на пути ее наступления. Соседние роты уже обошли ее с флангов и быстро продвинулись вперед буквально по пятам отступающих немцев. И вторая рота, которой командовал Мирзоян, тоже не отстала бы, если б не этот проклятый дот на пригорке.

Дважды подымал Арам свою роту в атаку, — утопая по грудь в снегу, люди бросались на дот. Но оттуда был великолепный сектор обстрела и, не зная об отступлении, фашисты крепко сидели в этом бетонном колпаке. Обычно немцы — старые волки, знавшие толк в искусстве боя, больше всего боялись фланговых охватов, боялись попасть в безнадёжные «клещи». И на этот раз судьба дота решилась бы скоро, если бы перед другими ребятами не стояла важная задача — преследовать противника, не давая ему закрепиться на выгодных холмистых рубежах.

После второй неудавшейся атаки Арам приказал бойцам отдохнуть и позвал на рекогносцировку командиров взводов.

— Была бы артиллерия...

— Была бы артиллерия, мы бы здесь сейчас не сидели. И так теперь наших догонять придется чуть ли не бегом.

— По такому снегу не больно-то побежишь, товарищ командир.

— По такому снегу? Есть, кажется, выход. Вот что, товарищи: подкоп к доту ведь можно сделать. Подползем и забросаем фашистов гранатами. Возможный вариант?

— Разрешите моему взводу, товарищ командир! — лейтенант Среднев умоляюще смотрел на Мирзояна.

— Ну что ж, добро! — согласился Арам. — Только у меня тоже просьба, товарищ командир взвода. Хочу сам пойти к доту. Добровольца примете? Давай еще парня покрепче, кто изъявит желание, и приступим.

Арам вовсе не из-за любви к подвигам решил сам идти на фашистский дот. Именно осторожность, полный расчет, а не безрассудная смелость заставили его принять такое решение. Ошибка, секундная растерянность, и фашисты уже будут наготове. А в роте — кругом народ молодой, еще как следует не обстрелянный. И, может быть, это было отступлением от уставных порядков, но Арам не мог оставаться лишь наблюдателем.

Через несколько минут высокий темноволосый солдат уже докладывал:

— Явился по вашему распоряжению.

Арам разъяснил ему задачу, и они вылезли из траншей, закопались в снег, заработав саперными лопатками. Метр за метром стали продвигаться вперед. С каждым движением становилось трудней дышать, снег набивался в рот и нос, слепил глаза. Арам чувствовал за собой тяжелое дыхание Мамедова. Тому было еще труднее. Всей тяжестью тела он старался вдавить под себя снег, отброшенный назад Арамом.

Только бы не сбиться с направления к доту! Арам обернулся. Узкая линия тоннеля шла ровно, без единого изгиба. Работая, они считали метры, каждый метр, чтобы не ошибиться, не выскочить, не подойти к доту вплотную...

А если их план не осуществится, что тогда?

Арам еще ожесточеннее заработал лопаткой. Он словно плыл брассом в снегу, широко разводя руки. Он знал, что будет, если им не удастся подавить дот гранатами. Ведь смог же Матросов!

— Передохнем, — Арам осторожно пробил над собой узкое окно в снегу, уступив место Мамедову.

Прошло уже около часа, как они начали рыть эту снежную дорогу к доту. По всем расчетам, до него оставалось не больше двадцати метров.

— Ну, пошли! — Арам снова стал продвигаться вперед.

С позиции роты, где все до боли в глазах всматривались в ровное снежное поле, вдруг увидели, как прямо перед дотом выросла белая фигура и, взмахнув рукой, вновь растворилась в снегу. Взрыва почти не было слышно из-за стрельбы. Но дот внезапно поперхнулся, наступила тишина.

И вдруг без всякой команды, охваченные одним порывом, бойцы бросились вперед. Они выскакивали из траншей и бежали, падая в рыхлом снегу и снова поднимаясь. Они бежали к взорванному доту, в трех метрах от которого лежал их командир и Мамедов немело перебинтовывал его голову.

* * *

Снова армейский госпиталь. Привычная белизна коек, строгий распорядок дня. Только люди — врачи, сестры, да и сами раненые теперь уже чем-то отличаются от тех, в сорок

первом... И дело даже не в тяжести ранений. Тяжело раненные, конечно, есть. Есть и те, для кого окончилась уже война, фронт во всяком случае, а может быть, и многое в жизни. Вот один из них прогромыхал мимо палаты на костылях, с непривычки неуклюже подпрыгивая на единственной ноге. Война есть война.

Но все же вокруг Арам ощущал нечто такое, чего не было в госпитале во время отступления наших войск. Пожалуй, именно в госпитале может солдат как бы оглядеться, коснуться хотя бы мимоходом того, что называлось до войны просто жизнью, а сейчас — далекими снами; бойцы, командиры, медицинский персонал уже не такие колючие, как прежде. Они стали много спокойнее, увереннее в победе, а значит, и в себе. Уже часто можно услышать фразу: «Когда закончится война, я...» и так далее. Или — «После победы...»

Арам пробыл на этот раз в госпитале не так уж долго — всего три недели. Ранение оказалось легким. Осколок лишь задел его, и пуля царапнула плечо.

Он уже собирался идти оформлять документы к выписке, как в палату вбежала медсестра. Обычно строгая и не реагирующая ни на какие комплименты и хитрую лесть своих подопечных, сейчас она казалась возбужденной и радостной. пышная светлая прядь выбилась из-под косынки.

— Арам Шамирович! К вам идут!

— Кто?

— Ой, сейчас увидите! Спрашивает он меня — где тут у вас капитан Мирзоян. А начальник-то госпиталя Сергей Иванович ровно речи лишился.

— Да ты толком скажи, Катюша, кто идет?

В этот момент дверь палаты распахнулась и вошли двое в генеральских шинелях. Сзади выглядывал Сергей Иванович.

Арам вскочил и вытянулся по стойке смирно. Встали со своих коек и двое других его товарищей по палате.

— Ничего себе раненые! — сказал генерал-полковник. — Вы их что, строевой подготовкой лечите, товарищ военврач?

— Палата для выздоравливающих, товарищ Рокоссовский. На этой неделе всех выписываем.

— А... Ну, дело другое, — он засмеялся. — А то я даже пожалел, что приехал. Неудобно как-то. Халатов лишних у вас не нашлось, пустили в шинелях, а тут еще раненые, как на параде стоят...

Только тут до сознания Арама наконец дошло, что к нему приехал сам Рокоссовский.

— Гвардии капитан Мирзоян! — вдруг выпалил Арам и тут же решил, что ведет себя ужасно глупо.

Генерал достал маленькую коробочку, открыл ее, снова закрыл и протянул Араму вместе с наградным листом.

— За проявленный героизм и инициативу, за то, что личным примером учите сражаться бойцов, командование награждает вас Орденом Отечественной войны I степени.

— Служу Советскому Союзу!

— Кроме того, командование решило премировать вас двухнедельным отпуском на родину. Поезжай, капитан, передай людям привет от армии и возвращайся в часть, будем вместе добивать фашистов.

— Слушаюсь, товарищ генерал-полковник! Большое спасибо вам и всему командованию!

— Видал, а? — смеясь обратился Рокоссовский к другому генералу. — Командование благодарит. Да ведь это прямо-таки злостный нарушитель Устава... А в общем, молодец, Мирзоян! Гвардии капитан Мирзоян. Желаю успехов, товарищи офицеры! — И, пожав всем руки, он вышел из палаты, пропустив вперед второго генерала.

Сергей Иванович подмигнул Арам и выскочил вслед за начальством.

* * *

Ереван! Арам улыбался каждому прохожему на улице. И ему тоже улыбались в ответ. Люди, привыкшие к войне, к долгим разлукам и неожиданным встречам, безошибочно угадывали фронтовика в этом стройном капитане с орденами и медалями во всю грудь. В запасе было почти полдня до отхода автобуса в Амасийск. Арам уже прошел от вокзала довольно далеко, когда его догнал запыхавшийся паренек в курсантской форме.

— Товарищ Мирзоян!

— Да, я. Слушаю вас.

— Товарищ Мирзоян! Мы же встречать вас пришли. Телеграмму от штаба фронта получили. И как вам удалось скрыться?

— А кто это «мы»?

— Как кто! Училище все! Просим у нас погостить. Мы о вас все по газетам знаем.

— Спасибо. Но, уж пока дома не побываю — извините, не могу.

— Я мигом, товарищ Мирзоян. Только стойте на месте, никуда не уходите. — И он побежал обратно, к вокзалу. Арам посмотрел ему вслед. — Что ж, придется подождать. Но домой все равно в первую очередь. Приказываю вам, гвардии капитан Мирзоян, слушаться приказа сердца!

Радостное волнение, возникшее в душе, как только поезд пошел по родной земле Армении, теперь захлестывало его. Он почувствовал лишь сейчас в полной мере, как соскучился по матери, как хочет поскорее обнять сестру и братьев. А Нелли? Живет ли она сейчас в этом городе? Он обязательно наведет справки, постарается найти ее. Война отбросила прочь, заставила забыть прежнюю обиду. Она казалась сейчас такой мелкой на фоне всего, что он увидел и пережил за эти три года.

Три года назад горячий юноша, оскорбленный тем, что его любимая избрала другого... Теперь мужчина, бывалый солдат, которому бесконечно дорого все, что связано с детством, с первой своей любовью, с родиной... Так мысленно убеждал себя Арам, когда думал о встрече с Нелли. Но он напрасно старался обмануть самого себя. Он по-прежнему любил ее. Только, может быть, сильнее, чем прежде. Он любил ее свято и сокровенно, как любят свою сестру, стараясь забыть, но не забывая, стараясь думать равнодушно, но думая страстно, если эта мечта уже кажется несбыточной.

Зеленый газик круто остановился рядом. За рулем сидел майор. Он распахнул дверцу:

— Здравствуйте, Арам Шамирович! Майор Вартанян, замполит училища.

Арам козырнул и пожал протянутую руку майора.

— Слышал, вы сначала домой собираетесь. Так я вас подброшу, садитесь!

— Да нет, товарищ майор. Ведь дом-то мой за Амасийском.

— Что ты говоришь! — сразу перешел на «ты» майор. — Эко дело! Ну, была не была: садись! Зато уж беру с тебя слово, что перед курсантами выступишь. Ребята на фронт через три месяца пойдут. В бою будут доучиваться... Ну, садись, дорогой. Поехали!

Только в машине Арам заметил, что у майора протезная кисть левой руки. Он держал ее на руле.

— Где? — спросил Арам, показывая глазами на руку майора.

— Под Москвой стукнуло. Вот, видишь, отвоевался.

— Не согласен, майор. Ты и сейчас воюешь. Сколько командиров выпустило ваше училище?

— Э... Да я уже, парень, со счета сбился. Печем офицеров, как блины. Толком ни один предмет пройти не удастся — сразу на фронт. Да... Ничего, брат, не попишешь — война!

— Ну, не беда. Наши теперь уже научились немцев бить. Знаешь, майор, о чем я сейчас думаю? Вот едем мы с тобой по этой дороге. Я же ее во сне тысячу раз видел.

— А я о другом... Ведь я на пианиста учился, в консерватории... И вот...

Арам содрогнулся. На пианиста! Он хотел сказать майору какие-то хорошие, ободряющие слова. Но не нашел этих слов. Достав папиросы из кармана, он протянул одну майору. Они закурили. И почти весь остальной путь сидели молча. Каждый думал о своем.

Вот уже в стороне остался Амассийск, пошли места, знакомые Араму с детства каждой извилиной дороги, очертаниями гор вдали, острыми клиньями полей.

— Что, узнаешь родные места? — нарушил долгое молчание майор.

— Да, друг. Вон за тем поворотом пойдет дорога направо. Дуй по ней. До Байтара моего оттуда минут десять, не больше.

Когда подъехали к дому, Арам не мог выдержать, на ходу распахнул дверцу, крикнул: «Мама!»

По улице уже бежали к их дому люди. Деревенский телеграф работает без изъяснов. И достаточно было кому-то узнать Арама Мирзояна в машине, как эта весть мигом разнеслась по селу, обгоняя каким-то чудом мчавшийся «газик».

— Ма...а...ма!

Мать выбежала из дома прямо в фартуке на стареньком, знакомом с детства зеленом платье.

— Сынок! Вернулся! Живой! — Она упала в его объятия и затряслась в рыданиях.

— Ну, не надо... Все же хорошо. Я, ведь видишь, живой, невредимый.

— Это я от радости, сынок, — шептала она. — Идем в дом, дорогой мой. Сейчас дети вернутся из школы. Какой праздник, люди! Арам вернулся!

— Товарищ майор! — крикнул, обернувшись, Арам. — Заходите к нам в дом.

— Просим вас, товарищ, заходите. Гостем дорогим будете, — сказала мать.

— Спасибо, но не могу, тороплюсь очень. Да и вам нужно побыть своей семьей. В другой раз обязательно загляну. Счастливо, капитан! Не забудь свое обещание!

* * *

Целую неделю наслаждался Арам жизнью дома. Успел починить крышу, повозиться в саду, побывал в школе, в МТС. Правда, никого из старых своих друзей не встретил. Ушли на фронт. Проходя мимо дома Мелконянов, он встретился как-то с матерью Нелли.

— Здравствуйте, Арам, — сказала она. — Мы о вас много слышали, о подвигах ваших даже в газетах писали.

Арам промолчал.

— А наш Сереженька, знаете, теперь зам. директора МТС. На фронт рвался — врачи не пускают. У него ведь врожденный порок сердца.

— Да, порок сердца... — повторил Арам. — Нелли вам пишет, бывает у вас?

— Как бывает! Неллечка с детьми ко мне приехала, как отец умер. Ее муж ведь тоже на фронт пошел. И вот новое горе: через месяц похоронную получили... А Нелли здесь. Работает учительницей. Разве вы в школе не были?

— Был. Мне ничего об этом не говорили, — сказал Арам как можно спокойнее. А сердце его забилося быстрее. — Ну, я пойду. Всего вам доброго. Может, и Нелли увижу — у меня еще целых два дня отпуска.

Он пошел по улице, стараясь как можно подальше уйти сейчас от Неллиного дома.

Встреча, к которой он, казалось, уже мысленно себя подготовил, опять испугала его. Все это было слишком неожиданно. Целую неделю жить в Байтаре и не знать, что Нелли

рядом, что она тоже здесь. Так вот почему мать всякий раз под разными предлогами переводила разговор на другую тему, когда он спрашивал о Нелли. Ну, и что же. Ведь он не может уехать, не увидев ее.

Он повернулся и быстро зашагал к школе. Но, дойдя до школьного сада, опять остановился в нерешительности.

Стоит ли будоражить старое? У нее погиб муж. Не принесет ли ей эта встреча тайную горечь от того, что вот чужой человек цел и невредим, а ее родной, близкий — уже не вернется. Ведь она только женщина... Да и потом осудят люди — замужняя, мол, а встретилась со своим прежним женихом.

Арам знал, что такое людская молва, когда, как осенний листопад, она покрывает дорогу и, задержав на мгновение взгляд на золотых кронах деревьев, человек может поскользнуться и упасть в липкую осеннюю грязь...

— Арам! Дорогой! Сейчас я спущусь к тебе!

Нелли высунулась из окна класса на втором этаже и радостно улыбалась ему.

— Нелли!

Без пальто она выбежала на улицу и на глазах учеников — уже закончились уроки — обняла Арама за шею, поцеловала в щеку.

— Как хорошо, что ты зашел ко мне! Ведь ты ко мне? Я ведь знаю, ты уже целую неделю в Байтаре. Ну, рассказывай все по порядку. У тебя отпуск?

Они сели на скамейку, потрескавшуюся от времени. Арам подумал, что первый раз сидит на этой скамейке, хотя помнит ее с тех пор, как пошел в школу.

— Что же мне рассказывать? Воюем, как все. Лучше ты расскажи о своей жизни, Нелли. Может, нужно помочь в чем? Ведь я слышал, вы без мужчин в доме остались.

— Да, без мужчин... Про папу тоже знаешь? Это все так неожиданно было, в первый день войны. Вызвали врача из Амассийска — поздно, кровоизлияние в мозг. Мать чуть рассудка не лишилась от горя. Сергей тогда с ней был. А я — в больнице, роды. Потом уж, когда похоронили, приехала. Целыми днями с мамой плакали. Все из рук валилось. А надо было держаться. Потом о муже извещение пришло, а у меня дети маленькие. Словом, хлебнули мы лиха, Арам...

Она помолчала.

— А сейчас ничего, полегче. Я учительствую. Сережа тоже с нами живет. На прежней работе у него какие-то неприятности были. Теперь он здесь, в МТС. Ты ведь Григоряна знаешь? Так он заместителем у Григоряна.

— Нелли! — тихо сказал Арам. — Вон яблоня, видишь, в стороне от школы? Знаешь, чья это яблоня?

— Не надо, Арам. Не стоит ни о чем вспоминать. Все равно не вернешь теперь...

— Да. Пожалуй, не надо...

Они замолчали.

— А я тогда совсем была глупой девчонкой, — вдруг сказала Нелли. — Только воображала, что могу разбираться в людях. Если можешь, забудь то письмо. Детское письмо. Мы ведь должны дружить, правда? А ты... Ты тоже ничего не сделал тогда. Но ты все равно дорог мне, очень дорог, понимаешь. Думай что хочешь обо мне...

— Ты говоришь так, Нелли, потому, что мне опять идти на фронт, да?

— А что, разве этого мало? Да, я хочу, чтобы ты остался живым. Очень хочу. Смешно слышать такое от замужней женщины, у которой есть дети?

— Ты была счастлива с ним?

— Не знаю. Он хороший парень. Но я, я...

— И я тоже, Нелли. Я не мог иначе, как ни пытался убить в себе это. Но не надо, ты права...

Он проводил ее до самого дома. И прощаясь сказал:

— Ничего, что нас видели вместе?

— Ты все такой же мальчишка, Арам, — она грустно усмехнулась. — Не все ли равно, что подумают и о чем посудачат? Главное, чтобы мы оставались самими собой. И еще главное — береги себя...

* * *

— Капитан Мирзоян! Прошу прощения — майор Мирзоян! Здорово, старик! — как съездил домой?

— Спасибо, товарищ комдив. Но я уж, честно говоря, забыл, когда вернулся. Две недели вас догонял.

— Да... Наступаем теперь по всем правилам. На третьей скорости, как говорят танкисты. А ты очень кстати. Примешь первый батальон в своем полку. Твой начальник уже подал рапорт.

— Спасибо, товарищ комдив.

— Слушай, что ты заладил «спасибо», «спасибо». Как съезды домой, такими вежливыми возвращаются — просто загляденье! Что я тебе, путевку в санаторий предлагаю, что ли? Батальон — это не санаторий. Ну, ладно... Я вот для тебя газетку приберегу. Тут и про тебя пишут.

У себя в блиндаже Арам развернул «Правду». 27 февраля 1943 года. «Письмо армянского народа ко всем своим сынам-фронтовикам». Снова ощутил волнение, похожее на то, какое испытал недавно, когда увидел в окно вагона родные горы и горизонты. «Во имя советской Родины, во имя матери Айастан не щадите своей жизни, бейтесь с врагом до последней капли крови. Помните мудрый завет нашего народа: «Неосознанная смерть — это смерть, а смерть осознанная — это бессмертье!» Пока на родной земле находится хоть один немецко-фашистский захватчик, наши двери закрыты перед каждым дрогнувшим на фронте армянином. Армянская земля не даст места ни одному трусу и малодушному.

Помни, боец-армянин, что наш народ в течение тысячелетий с ненавистью и презрением произносил имена предателей... Знай, армянский народ ничего не забывает и ничего не прощает. Он возводит в своем сердце бессмертный памятник героям, а изменников прокликает навеки».

Арам дважды перечитал письмо и большую статью, сопровождавшую это письмо. В ней в числе десятков других лучших воинов-армян называли и его фамилию.

Он посмотрел на часы. Надо идти принимать батальон. Потом соснуть хотя бы часок. Комдив сказал, что с рассветом дивизия выходит на первую линию наступления.

С рассветом опять начнутся фронтовые дороги. Их только называют дорогами. Настоящие дороги на войне попадают редко. Но и они — для транспорта и обозов, для госпиталей и резервов, а не для тех, кто идет в авангарде наступающей армии. А фронтовые дороги — это болота и овраги, лесистые холмы и поля, изрытые воронками от бомб и снарядов. Впрочем, война перепутала и эти значения слов. Лес — здесь это не просто лес, а маскировка, поле — это не просто поле, а рубеж... Сколько еще предстоит пройти, сколько раз встретиться со смертью и не отступить, чтобы вернуть прежнее значение слов, мирную жизнь тебе, Айастан...

* * *

После тяжелых боев за Минск наступила передышка. Немцы быстро откатывались на запад, пытаясь сосредоточить оборону на правом берегу Двины. Второй день батальон Мирзояна не мог догнать противника. Фашисты без боя отдавали небольшие белорусские

села, стараясь начисто сжечь их перед уходом, сравнять с землей. Иногда только печные трубы да обгоревшая земля говорили о том, что здесь была деревня. Тех, кто не успел спрятаться от фашистов, убежать в лес, можно было найти в неглубоких рвах. Они лежали, едва засыпанные землей, — женщины, дети, старики. Они взывали о мести. И выдавшие виды, привыкшие к смерти мужчины в солдатских шинелях вытирали рукавами слезы, стоя над этими страшными погребениями.

— Смотрите, товарищ комбат! Люди!

Из небольшого леса в стороне к селу медленно шло несколько человек.

Арам разглядел в бинокль, что это женщины и ребятишки.

— Ну, вот, хозяева возвращаются. Значит, жизнь будет снова.

Он встал, приложил руки ко рту и зычно крикнул:

— Батальон, строй-ся!

Роты одна за другой двинулись из сожженной деревни. Арам шагал впереди.

Вдруг он увидел двоих детей, — мальчик и девочка пытались дотянуться до чугунка с картошкой, чудом уцелевшего на печи, торчавшей прямо из земли. Когда батальон поравнялся с ними, Арам подошел к детям, снял чугунок и поставил перед ними. Потом расстегнул вещевой мешок и высыпал все его содержимое рядом. Подавив в себе желание погладить белесые детские головки, он молча повернулся и зашагал дальше.

Он не оглядывался назад, но слышал, как в четкий ритм шагов батальона ворвался какой-то новый, звенящий звук. Это летели к ногам детей вещмешки, нехитрый солдатский скарб... Будто замороженные, остановились и смотрели женщины.

А Арам шел впереди, и вслед за своим командиром четко чеканил шаг, стараясь выглядеть как на параде перед этими людьми, весь батальон. Только у поворота дороги оглянулся назад один молодой солдат и приложил ладонь к пилотке. И худенький мальчишка тоже отдал честь, поправив на голове рваную кепку. А девочка, глотая слезы, махала вслед рукой...

Сколько раз потом, идя с боями по своей и чужой земле, чувствовал Арам за спиной этот недетский взгляд. Этот взгляд торопил, не давал остановиться даже когда можно было сделать передышку.

* * *

Польский город Меньжинец был будто специально построен, чтобы выдерживать долгие осады. Возвышаясь на крутом холме, он был защищен небольшой, но быстрой речушкой.

Вокруг холма — топкое болото, луг. Река с трех сторон огибала город, почти вплотную подходя к толстым каменным стенам невысоких домов на восточной окраине. Немцы взорвали все мосты, когда отступали в город. Здесь заняли оборону две роты эсесовского батальона. Они должны были задержать советские части, прикрыв отступление своих. Единственное шоссе, по которому могли пройти танки, шло через город и было перекрыто фашистами. Батальону Мирзояна приказывалось взять Меньжинец.

Арам внимательно изучил план местности. Без солидной артподготовки взять город силами одного батальона было крайне трудно. Атаковать можно только в лоб, иными словами, бросить батальон на узкую полоску земли под кинжальный огонь немцев. Но приказ есть приказ. Главные силы дивизии на подходе. И нужно действовать быстро, чтобы не замедлить стремительного наступления, в авангарде которого шел на этот раз батальон Мирзояна.

— Предлагаю обойти немцев, атаковать с тыла, — сказал замполит.

— Но ведь придется сделать солидный крюк. Пять километров по болотам. Пройдем?

— Должны пройти, товарищ майор. Другого выхода не вижу.

— Ну что ж, собери коммунистов и комсомольцев. Разъясни задачу. А я поговорю с командирами рот.

Через час был разработан подробный план атаки. Один взвод должен наступать по центру, прямо на оборонительные линии фашистов, отвлекая внимание фашистов.

Весь остальной батальон выходит по болотам в тыл немцев и неожиданно врывается в город оттуда, откуда враг может меньше всего ожидать этого.

...Бесшумно снявшись с позиций, батальон двинулся в обход города. Уже с первых шагов, как только отошли от узкой полоски дороги, началась молчаливая борьба с болотом. Взяли батальонные пушки и повозки; бойцы, бросая под их колеса шинели, буквально на руках тащили их вперед. Когда переходили вброд речушку далеко в стороне от города, Арам пять раз спускался в холодную темную воду, чтобы помочь отставшим. Мирзоян приказал отдохнуть и переобуться только тогда, когда батальон вышел к дороге в двух километрах от города.

Ощущение близкого боя заставляло забыть об усталости. Еще несколько минут назад, когда был привал, Арам мог бы уснуть мгновенно, если бы не напряжение воли, приказавшей бодрствовать. А теперь он шагал, и все мысли были направлены только на одно: взять скорее город.

Батальон ворвался в Меньжинец сходу, и расстреливая эсесовцев, в панике выскакивавших из домов, ринулся к восточным оборонительным укреплениям фашистов. Нужно было выиграть время, не дать немцам опомниться и развернуться для круговой обороны.

Начав атаку, Арам выпустил две красные ракеты в ночное небо. И сразу затараторили в другом конце города немецкие пулеметы и автоматы, грохнули орудия. Это пошел по условному сигналу в атаку взвод старшего сержанта Нигерина.

Еще не наступила полночь, а весь город уже был в руках батальона. Высоко подняв руки, шли под конвоем пленные фашисты. Арам приказал командирам рот доложить о потерях. К его радости, батальон почти не пострадал. Только во взводе Нигерина оказалось четверо раненых.

К рассвету в город вступили главные части дивизии. Из подвалов и убежищ стали выходить жители Меньжинца. Открывались плотно замурованные ставни окон. Батальон уже покидал Меньжинец, когда на западной окраине Мирзояна догнали трое пожилых поляков.

— Рабочий совет города, — представились они. — Мы узнали у командира дивизии, что это ваш батальон освободил Меньжинец от фашистов. Разрешите считать вас нашим почетным гражданином. — Один из поляков протянул Араму большой бронзовый ключ от города.

— Мы хранили его вместе со знаменем городского Сопротивления.

Ночью батальон занял позицию на северном склоне крутого заросшего оврага. Когда копали траншею, соединяя ее с траншеями соседей, в расположение батальона приехали на тачанке двое военных,

— Генерал-майор авиации Сивицкий, — представился Мирзояну еще не старый человек в кожаной куртке без погон. — Мой адъютант.

Капитан козырнул Араму.

— Вот решили спуститься с неба на землю, — улыбнулся генерал, — да посмотреть, как вы тут обживаетесь, пехота. К рассвету будем бомбить противника. Местность здесь неважная — сплошные овраги. Так вы корректируйте самолеты.

— Противник вон там, товарищ генерал-майор. — Арам показал рукой. — Пока все спокойно. Отдыхают фрицы...

И в ту же секунду мощный пулеметный огонь обрушился на позицию батальона. Вскинув руки, упал ничком рядом с недокопанной траншеей адъютант генерала. Арам с силой

втолкнул Сивицкого в траншею. Бросился сверху, прикрыв генерала. Заговорили батальонные пулеметы — первое оцепенение прошло. Пулеметная дуэль продолжалась еще несколько минут, и все смолкло. Арам поднялся. Рукав шинели был оторван, словно его оторвали нарочно.

— Извините, товарищ генерал-майор. У нас на земле такое уж — высоко не подняться.

— Да, вижу... Спасибо тебе, майор. На вот, возьми на память.

Сняв с себя кожаную генеральскую куртку, он накинул ее на Мирзояна. Адъютант, поднявшись, старательно стряхивал с галифе присохшую глину.

* * *

Дивизия, в которой был батальон Мирзояна, с тяжелыми боями продвигалась к Берлину. С каждым днем все ожесточеннее, все неистовее сопротивлялся враг. Но это было неистовство обреченных. Геббельсовская пропаганда трубила о том, что Красная Армия расстреливает всё немецкое население. Фашисты рассчитывали еще заставить сражаться приунывших и разочаровавшихся обывателей.

В первые дни, как вступили на территорию Германии, бойцов нельзя было остановить никакими приказами. Слишком велика была в людях ненависть к этой стране, откуда пришла на их землю война, откуда пришли смерть и горе в их далекие дома. Не помогали ни разъяснительные беседы, ни даже тот военный трибунал, на котором судили танкиста за то, что он без нужды сравнял с землей сад на окраине немецкого городка. Трибунал отправил парня в штрафники, а через день в батальоне Мирзояна ЧП — разведчики расстреляли трех пленных немецких солдат...

Арам говорил с бойцами и командирами, выступал на партийных собраниях. Все — бесполезно. Люди слушали, соглашались, а потом, в пылу боя, да и часто сразу после боя забывали об этом.

Неожиданный случай помог больше, чем все уговоры и наказания.

В небольшом лесу батальон наткнулся на трех человек в формах советских солдат и офицеров. Оказалось, ни один из них не знает ни слова по-русски. А в карманах были обнаружены документы службы Абвера.

Допрашивая каждого из неизвестных, Арам узнал ужасающую вещь. Фашисты создали специальные команды, в задачу которых входило чинить зверства в немецких селах, убивать своих же соотечественников, но делать это, переодевшись в форму советских солдат и офицеров.

Когда об этом узнал весь батальон, возмущению бойцов не было предела. И Арам, просив командование и получив разрешение начальства, предпринял необычное. Он приказал отвести фашистов в ту деревню, над населением которой они глумились еще вчера, выдавая себя за советских бойцов, и разоблачить их перед местным населением.

Разведчики, которые во главе с замполитом выполняли это задание, вернулись молчаливые и торжественные. Жители деревни сразу узнали своих палачей. Замполит, волнуясь, рассказывал Араму:

— Понимаешь, комбат, сначала они неохотно сходились к церкви. Лица угрюмые, злые. Больше женщины, старики. А как переводчик сказал: «Узнаете этих? Это ваши же гитлеровцы», — тут словно взорвались все. Один подошел ко мне, худющий, руки жилистые, крестьянские. Кричит чего-то, даже толкнул меня в грудь. Я за оружие. А переводчик наш смеется: «Он, товарищ замполит, обиделся, что вы сказали: ваши, мол, гитлеровцы. Говорит, ждали Советскую Армию, думали разберется, кто фашист, а кто нет».

— Ну, я ему объяснил, что обижаться-то он должен только на себя. Слишком поздно задумались они о том, что такое фашизм.

— Да, странный это народ. Аккуратный, умный, — посмотри, как хозяйство ведут: любо-дорого. А тут судьбу свою прохлопали...

— Что хозяйство! Это народ Маркса и Энгельса. Тем и страшен Гитлер, что ослепил такой народ, превратил в зверей. И мы должны помочь им снова стать людьми, построить новую Германию... О какой мечтал Маркс...

В этот момент лейтенант из штаба полка протянул Мирзояну пакет.

— Очень срочно, товарищ майор. Приказано ждать ответа.

— Почему пакет? Разве связь нарушена?

— Так точно. Немецкий батальон прорвался на стыке наших частей и ушел в тыл.

Арам пробежал глазами небольшой листок.

— Вот тебе и побеседовали о политике...

Он взглянул на лейтенанта.

— Передайте в штаб полка, что немедленно выступаем.

* * *

Никто в дивизионном госпитале, занимавшем пару небольших крестьянских домиков в глубоком тылу дивизии, не подозревал, что фашисты могут нагрянуть сюда с минуты на минуту. Вряд ли несколько десятков раненых и взвод охранения могли бы дать отпор целому батальону немцев.

Задачей Мирзояна было эвакуировать раненых. Но когда первый батальон вышел к госпиталю, у комбата созрело иное решение.

— Вот что, — сказал он обступившим его врачам и сестрам. — Надо вынести раненых в лес, подальше от дороги. А мы дадим здесь бой фашистам. Ведь здесь они рассчитывают на безнаказанное глумление над ранеными, а не на сильного противника. Теперь все зависит от вас, товарищи. Действуйте как можно быстрее. Через полчаса, самое большее, фашисты появятся... Бойцы второй роты помогут вынести раненых и будут их охранять. А мы встретим фашистов двумя ротами.

Люди работали молча, но так четко и согласованно, словно понимали мысли друг друга. В этой тревожной тишине, нарушаемой только хлопаньем дверей и щемящим сердце костыльным скрипом, не слышалось ни жалоб, ни стонов.

К Араму и другим офицерам несколько раз подходили раненые и просили разрешить им остаться, выдать оружие. Комбат был неумолим.

Он направился к бойцам, устанавливающим пушки и пулеметы:

— Шире, шире, товарищи! Надо, чтобы фашисты сразу попали в мешок. Как только немцы войдут в деревню и приблизятся к госпиталю — взвод с пулеметом из первой роты закроет их тыл... Нет, нет, красный крест не снимайте. Мы первыми атаковать их не будем. Пусть покажут свое лицо. Пусть думают, что перед ними только госпиталь...

Арам говорил так, будто ему-то наверняка был известен заранее победный исход этого боя. И, пожалуй, этот его бодрый, чуть насмешливый тон незаметно взбадривал людей, смягчал тревожное ожидание боя.

Прошли считанные минуты, и в деревне все смолкло. Последние раненые уходили в сопровождении медсестер и бойцов в лес. Роты приготовились.

Арам еще раз прошел по позициям и намеревался уже идти в помещение госпиталя, где расположился его командный пункт, как вдруг увидел бегущую к нему со стороны леса медсестру.

— Товарищ командир, забыли! Его ведь уже наверное фашисты схватили!

— Успокойтесь. Кого схватили? Скажите толком.

— Главного врача, Семен Осиповича... Эх, скольких он людей от смерти спас! — девушка всхлипнула.

— Где он находится?

— В километре отсюда. В избушке лесника ихнего. Там девочка больная — тяжелый случай аппендицита, он вчера оперировал ее. Лесник приходил с женой, плакали, просили спасти дочку. А сегодня Семен Осипович пошел проводить...

Арам уже не слушал.

— Морозов!

— Я! — откликнулся сибиряк, вылезая из окопа.

— Пойдете с нами. Ведите! — обратился он к медсестре. — Только скорее, бегом.

...Нет, Араму просто удивительно везло в этот день. То ли что-то задержало фашистов, то ли двигались они слишком осторожно, но только тогда, когда удивленный доктор оказался в укрытии и Арам, тяжело дыша, уселся вместе с Морозовым на деревянные доски опустевшей госпитальной койки и закурил предложенную солдатом сигарку, наблюдатель сообщил:

— Первый пост докладывает — колонна фашистов, три роты, вошла в расположение батальона...

Немцы двигались очень медленно, двумя цепями вдоль единственной улицы деревни. Увидев знак красного креста на доме, передние остановились. Офицер что-то прокричал, и тут же к госпиталю направилось четверо солдат с ранцевыми огнеметами на спинах.

— Ах, сволочи! Думали раненых сжечь заживо! Ну, погодите...

Арам вскинул к плечу автомат, прицелился, и из окна госпиталя полоснула меткая очередь. Немцы не успели оценить происходящее, как со всех сторон на них обрушился огонь. Некоторые тут же бросились назад, но путь им отрезали два тяжелых пулемета. Они метались по деревне, падая под пулями, нигде не находя укрытия. Тихие, заброшенные дома, которые только что безмолвно пропустили их мимо, вдруг оказались огневыми точками. В несколько минут фашистский батальон потерял добрые две трети своего состава. Остальные, побросав оружие, сбились в кучу, подняли руки...

* * *

Громада советской армии все глубже вклинивалась в фашистскую Германию. И вместе с этой громадой, часто еще перед огненным валом, двигался батальон Мирзояна, выполняющий роль разведбатальона армии и ударного батальона 185-ой гвардейской дивизии.

Все ближе Берлин. Уже встречаются на дорогах выбитые взрывами из земли дорожные указатели, на которых стоят двузначные цифры.

Тысячи километров отделяли теперь бойцов от дома, от Родины. Тысячи километров отмерили кирзовые солдатские сапоги. Но каждый метр, каждую пядь пройденного пространства приходилось отбивать у врага в тяжелом бою. Было обычным теперь, когда на самых подступах к Берлину батальон встретил жестокое сопротивление фашистской части, занявшей небольшой пригородный поселок.

Привычно захлюпали по мягкой весенней земле саперные лопатки. Плотно надвинув на каски капюшоны маскировочных халатов, ушли в поиск разведчики.

Арам, доложив в штаб полка обстановку, вместе с командирами рот стал разрабатывать план атаки.

Казалось, ничего не было непривычного для этих усталых, давно не высыпавшихся людей, испытавших все, что может дать в испытание мужеству и выносливости война. Уже все было готово к атаке, когда комбату сообщили:

— Разведчики ведут «языка». Но это не «язык», а женщина...

— Как женщина?! — удивился Арам и, взяв бинокль, поднялся к наблюдателям на чердак обгоревшей мельницы.

...С правого фланга к расположению батальона двигалась странная процессия. Впереди, действительно, шагала женщина в длинном, до земли, черном платье. А следом шли трое разведчиков. Четвертый замыкал шествие, ведя под уздцы коня,пряженного в небольшую одноосную бричку.

Когда процессия подошла ближе, он вдруг рассмеялся и, опустив бинокль, сказал:

— И смех и грех, честное слово! Попа взяли! Интересно, чем он привлек их внимание?

Арам спустился по шаткой деревянной лестнице и пошел навстречу разведчикам.

— Товарищ майор! Разрешите доложить! — командир отделения вытянулся перед Мирзояном. — Мы обошли деревню и перехватили на дороге этого попа. С ним был офицер. Тот убит в перестрелке. Вот документы и оружие.

— Ну что ж, давайте ведите его на мельницу. Там побеседуем...

Поп, долговязый и еще не старый немец с гладко выбритым лицом, все время подобострастно улыбался и кивал головой.

Мирзоян предложил ему сесть на единственный на наблюдательном пункте табурет и попросил выйти всех, кроме начальника разведки батальона капитана Двали.

— Ну, так вот, господин посланец бога, — начал он по-немецки. — Если вы честно и подробно расскажете о цели своего путешествия, мы сохраним вам жизнь на этой грешной земле. Ведь, не будем скрывать друг от друга, жизнь в раю не так уж необходима нам, а?

— Вы не имеете права меня расстрелять! — насупился священник. — Я — священнослужитель.

— Вот, вот! — подмигнул Арам капитану. — Значит, даже не военнопленный. А кто же? Мы — большевики, бога не признаем... Чувствуете, чем пахнет?

— Что вы хотите? — щеки попа нервно дернулись.

— У вас есть с собой библия?

— Так точно, товарищ майор. Конфисковали при аресте.

Двали протянул Мирзояну небольшой потертый томик.

— Целуйте библию, господин поп. И рассказывайте, только быстро.

Прошло не больше получаса и разведчики, присевшие перекурить у мельницы, с удивлением увидели своего комбата... в поповской рясе.

— Отделение! — скомандовал Двали, — переодеться в немецкую форму. У старшины получите дополнительные комплекты гранат и автоматных дисков. Только трофейные. Через десять минут построение здесь. Выполняйте!

План, который задумал Мирзоян, был рискованным. Но зато успех обещал быть грандиозным. И пока Арам садился, приподняв неудобную рясу, в пролетку, захваченную вместе с попом, командир первой роты, которому он передал командование батальоном, разъяснял офицерам задачу.

Вскоре немецкий пост остановил на дороге у западной окраины деревушки пролетку со священником и отделение автоматчиков, сопровождавших его. Священник протянул документы и заикаясь сказал:

— П...прошу с...с...сразу дос...с...с...доставить меня в церковь. Я оч...чень т...т...тороплюсь. Мо...мо...молебен в три часа.

Немцы хмыкнули. Но оберлейтенант бросил на них свирепый взгляд и они осеклись.

Взяв под уздцы лошадь, пожилой ефрейтор повел пролетку к невысокой деревянной церкви.

Мирзоян равнодушно смотрел по сторонам. Он был спокоен. Приказ Геббельса провести молебны во всей действующей армии, о котором рассказал поп, не давал оснований для беспокойства.

Тяжело кряхтя, он слез с пролетки и вошел вместе с унтером в церковь. Двое разведчиков последовали за ними. Остальные зашли за угол и беззаботно расположились там на выгоревшей от солнца траве.

Церковь была старой и запущенной. Но рядом с поблекшей иконой висел новенький портрет Гитлера. Видно, немцы еще не так давно посещали церковь.

Арам взошел на паперть и стал листать немецкую библию в ожидании своих прихожан. Вскоре они появились.

Фашистский майор и несколько офицеров вошли первыми. За ними четким строем двинулась, сотрясая ветхую обитель, целая рота немцев.

Священник, заикаясь, попросил майора привести на молебен сразу всех солдат. Мол, ему приказано сегодня отслужить еще в трех местах, в том числе в окружном гестапо. И если герр майор не возражает, он бы провел молебен в деревне в одну смену...

Немец с презрением взглянул на священника.

— Хорошо. Еще роту мы можем вызвать. Не больше. И постарайтесь поскорее. В нескольких километрах отсюда русские. Здесь война, господин священник. Мы не можем совсем оголить фронт. Хотя бы рота должна оставаться на позициях.

— Не смею возражать, герр майор. Я лишь выполняю приказ рейхсминистра.

... Когда вторая рота вошла в церковь, священник попросил отложить в сторону оружие и встать ближе.

Немцы ставили один за другим автоматы у входа и подходили к паперти.

— На колени, братья мои! — зычно крикнул священник. — Во славу германского оружия... — он выхватил связку гранат из-под рясы.

Фашисты были настолько ошарашены, что продолжали стоять на коленях.

В церковь вбежали разведчики и встали между немцами и их оружием.

— Молебен окончен, господа! — спокойно сказал священник. — Я считаю, что долг церкви — избегать кровопролития. Теперь вы все — военнопленные и после войны сможете вернуться домой.

В церковь доносились звуки стрельбы. Там, на окраине деревни, уже шел бой с оставшейся одиночной фашистской ротой.

Несколько автоматных очередей прозвучало возле самой церкви. Это разведчики сразили отступавших немцев, которые пытались укрыться в церкви.

Двери внезапно распахнулись, и на пороге выросли командир первой роты и замполит в касках с автоматами в руках.

— Уф! Все в порядке. А мы волновались, товарищ комбат. Тишина тут у вас...

— А что нам шуметь? У нас полное согласие.

Арам сорвал с гимнастерки рясу и, выходя из церкви, бросил замполиту:

— Организуйте отправку пленных в тыл. Тщательно обыщите офицеров...

* * *

...Берлин, разрушенный и дымный, бурлил и пестрел красными знаменами. У рейхстага какой-то фотограф-любитель снимал всех подряд по первой же просьбе.

Взрослые, огрубевшие в войне люди радовались и ликовали, как дети.

— Что, майор, домой собрался? — джип затормозил рядом с Арамом. — Бросай чемодан. Подбросим до аэродрома.

— Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! — Арам вытянулся и козырнул. — Спасибо. У меня еще дела есть в Берлине.

— А... дела. Ну, давай! Желаю успеха! — джип рванул с места и исчез за поворотом.

Арам подошел к рейхстагу и, остановившись у одной из серых массивных колонн, отстегнул от ремня финку. Провел ладонью по холодному шершавому камню. Потом вывел лезвием:

«Арам Мирзоян. 10 мая 1945 года. Ереван — Берлин».

— Ну, вот, теперь, кажется, все, — сказал он вслух. — Можно и домой...

— А что дома, небось, невеста заждалась, товарищ майор?

Арам обернулся и увидел двух молодых высоких парней в новеньких лейтенантских формах.

— Невеста? Да нет, жена... Да, жена! Ну и дети, само собой...

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
«Мессершмидты» остаются на земле (вместо пролога)	5
Парень из Байтара (часть первая)	18
Здравствуй, жизнь (часть вторая)	30
Солдат (часть третья)	51
Прикрой сердце Родины (часть четвертая)	70
В чужом мундире (часть пятая)	88
Перед огненным валом (часть шестая)	110

Левон Акопович Брутян
Виктор Александрович Самарин

НАДПИСЬ НА РЕЙХСТАГЕ

Редактор **М. Э. Кузанян**
Художник **В. Х. Мандакуни**
Техн. редактор **В. С. Халатян**
Контр. корректор **С. С. Хачатурова**

Сдано в производство 14/VI 1967 г. Подписано к печати 2/II 1968 г. Бумага типографская № 2, 84 × 108¹/₃₂. Уч.-изд. 6,2 л. + 1 вкл., печ. 9 л. = 7,56 услов.-печ. л. ВФ 08401. Заказ 934. Тираж 100 000. Цена 29 коп.

Издательство «Айастан» Ереван-9, ул. Теряна, 91. Типография № 1 Главного управления полиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров Арм. ССР, Ереван, Алавердяна, 65.

ЦЕНА 29 КОП.

„АНАСТАН“